

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

КОРОЛЬ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ

Ольга Геннадьевна Володарская

Король умер, да здравствует король

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183307

Володарская О. Король умер, да здравствует король: Эксмо; Москва;

2009

ISBN 978-5-699-32653-2

Аннотация

В жизни Ларисы Белозеровой наступила черная полоса: телепередачу, которую она вела, закрыли из-за низкого рейтинга, муж полюбил другую, а все сбережения ушли на то, чтобы выкупить у соседей по коммуналке их комнаты. Ни работы, ни семьи, ни денег... Надеясь отвлечься, Лара начала ремонт в своей новой квартире... и нашла в заложенной кирпичом каминной нише скелет!

Лара решила провести журналистское расследование и сделать его темой своей новой программы. Ей удалось узнать – причиной того давнего преступления стала секретная папка из архива немецкой разведки. А вскоре оператора, работавшего с Ларой, убили в той же злополучной квартире... Кто-то так хотел заполучить папку, что готов был пойти на многое. Но попала

она к Ларе, и теперь уже ей решать: уничтожить документ или обнародовать, казнить или миловать...

Книга также вышла под другим названием: «Зов темной воды».

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	40
Глава 4	45
Глава 5	50
Глава 6	60
Часть 2	75
Глава 1	75
Глава 2	80
Глава 3	86
Глава 4	90
Глава 5	94
Глава 6	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ольга Володарская

Король умер, да здравствует король

*Все персонажи и события этой книги
вымышлены.*

Часть 1

Лариса Белозерова. Москва

Глава 1

Лариса Белозерова отперла дверь квартиры старым теткинским ключом и вошла внутрь. Длинный коридор был привычно темен, только в его конце слабо светилось оконце ванной, дверь в которую снес кто-то из последних жильцов коммуналки.

Лара сбросила с плеча сумку, разулась. Но, ступив на голыми ногами (капроновые колготки не считаются), почувствовала под ступнями песок, нанесенный подошвами прошенных и непрошенных гостей этой квартиры, за которыми некому было убрать. Пришлось обуться. И идти через длин-

ный коридор на высоченных каблуках, от которых Лара так мечтала избавиться.

Доковыляв до ванной, она нашла на батарее тряпку, намочила ее и вернулась к входной двери. Кряхтя, Лара наклонилась и принялась мыть пол. Когда от песка не осталось и следа, она с наслаждением скинула туфли и прошлепала по еще влажному паркету к туалету, чтобы швырнуть в ведро тряпку. Но ведра там не оказалось. Как и унитаза. Вместо него на полу стоял пластиковый таз, к огромному облегчению Лары, без следов чьего-нибудь облегчения. Туда она тряпку и кинула. Потом сполоснула руки, стянула колготки и, сев на край облупившейся ванны, сунула под водяную струю ноющие ноги.

– Хорошо, – прошептала Лара, ощутив приятное покалывание в пальцах.

Пока истомившиеся в тисках модельных туфель ноги отходили, Лара осматривалась. Как и следовало ожидать, ванная комната представляла собой жалкое зрелище. На стенах вздутая краска, на потолке черная штукатурка, трубы текут, раковина в трещинах, а по загаженному полу неспешно прогуливаются гигантские прусаки, не боясь ни света, ни человеческого присутствия.

– Кошмар, – резюмировала Лара, но без горечи. Она знала, в каком состоянии будет выкупленная ею коммуналка.

Еще бы не знать! Лара Белозерова, можно сказать, в ней выросла, хотя проживала она вместе с родителями совсем

в другой квартире – отдельной, двухкомнатной, на другом конце Москвы. Здесь же, в этой запущенной коммуналке в районе Садового кольца, жила ее бездетная тетка, которой Ларины родители спихивали дочь в тех случаях, когда надолго уезжали из дома. А поскольку делали они это часто (оба играли в джазовом оркестре – мама на фортепиано, отец на саксе), Лара проводила с теткой большую часть своей жизни.

Тетку звали Ивой. Иветтой, как она представлялась, и Лизаветой, как было на самом деле. Тетка всю жизнь проработала в Малом театре гардеробщицей, так что ее племянница с младых ногтей приобщалась к высокой культуре. Сама Ива тоже была причастна к искусству. С юности и до самой смерти она пела в самодеятельности и участвовала в постановках драматического кружка при ЖЭКе. Голос у нее был отменный, актерские способности тоже присутствовали, поэтому Ива мнила себя несостоявшейся примой, лишенной возможности выступить в Малом только потому, что война и эвакуация помешали ей поступить в театральный вуз. Уверенность в непризнанной гениальности наложила на тетку свой отпечаток – до самой смерти в возрасте восьмидесяти лет Ива носила расшитые золотой тесьмой пиджаки, каблуки, красилась, делала начес а-ля Джина Лолобриджида и не расставалась с янтарным мундштуком. Даже на смертном одре она покуривала свои тонкие сигаретки, настаивала на опрыскивании себя духами и все норовила улечься так, чтобы в случае, если смерть заберет ее во сне, никто из обнаруживших

Иву не заметил ее второго подбородка.

Когда старуха умерла, ее комната досталась племяннице. Лара тогда только окончила институт и устроилась на работу – помощником редактора на телевидении, – и своя жилплощадь пришлась ей как нельзя кстати. Но, переехав в теткинину комнату с намерением радоваться жизни: водить подруг, друзей и новоиспеченного жениха для проверки половой совместимости, – она вынуждена была признать, что унаследованные ею «хоромы» для этого совершенно не годятся. А все из-за соседей, коих насчитывалось двенадцать человек, и половина из них скоротечно приобрела алкогольную зависимость. Раньше, насколько Лара помнила, они только попивали, отмечая выходные символической бутылкой, а праздники шумными застольями, теперь же эти люди пили по-черному. Результат – дебоши среди ночи, ругань круглые сутки, горы пустых бутылок в коридоре, блевотина на кухонном полу. Радоваться жизни в такой обстановке Лара не могла. Остальные обитатели коммуналки тоже, но за многие годы совместного проживания они научились абстрагироваться от окружающей мерзости, а главное – давать разудалым соседям отпор. Особенно в этом преуспела старуха Берг (за глаза называемая всеми Графиней), способная отшивать приставал одним лишь колючим взглядом потускневших карих глаз. Другие поступали иначе: кто облаивал, кто милицией грозил, а кто и в морду давал. И только Лара не могла справиться с пьяницами. По ночам те ломились

именно к ней. Из ее хлебницы они воровали хлеб на закуску и гадили мимо унитаза именно в дни ее дежурства.

Пришлось Ларе оттуда съехать. Но перед тем как вытащить из Ивиной комнаты последний чемодан, она дала себе слово обязательно сюда вернуться. Не конкретно в теткинны метры, а именно в квартиру, и единственной хозяйкой.

Старая коммуналка была для Лары не только частью приятных детских воспоминаний, которые хочется подольше сохранить, она была ее мечтой. Кто-то мечтает иметь виллу на Канарах, кто-то замок в Шотландии, кто-то двухуровневый пентхаус на Манхэттене, а Лариса Белозерова представляла свое счастливое будущее только в этой квартире. Еще девочкой, лежа на теткиной софе и глядя в потолок с остатками затейливой лепнины, или стоя у окна, из которого открывался вид на старинную улочку, или бродя по коридору, где из-под отошедших обоев выглядывали наклеенные на стены газеты, датированные 1915 годом, Лара ощущала дикий восторг – ведь все это было так не похоже на их типовую квартиру, их дом, их район. Там все безликое, бездушное, никакое, а тут – даже под ободранными обоями история!

Вот это, пожалуй, больше всего Лару и завораживало. Каждый день, входя в кухню, она подолгу стояла у двери, держась за медную ручку, чудом сохранившуюся еще от первых хозяев квартиры. Она трогала ее, и дух захватывало от того, что пальцы касаются вещи из далекого прошлого, а к ней, в свою очередь, прикосались люди, жившие в те годы, а

значит, эта ручка все равно что машина времени, соединяющая настоящее с давно минувшим...

В теткиной коммуналке вообще многое напоминало о былых временах: остатки паркета, лепнина, чугунные решетки на крохотном балкончике, оконные рамы, не разошедшиеся и за сто лет. Но мало кто из ее обитателей обращал на это внимание. Они видели уродливые стенные перекрытия, возведенные для того, чтоб из четырехкомнатных хором для одной семьи сделать восемь комнатушек для пяти, утыканную плитами кухню, общую ванную, уборную... А вот Лара именно этого старалась не замечать! Но не получалось – уродующие старинную архитектуру мелочи так и мозолили глаза, поэтому Лариса уже в детстве мечтала, как снесет все перегородки, восстановит лепнину и паркет, как реанимирует камин, разобранный еще в двадцатые. Тогда ее мечты были похожи на маниловские прожекты и даже ей самой казались неосуществимыми. Но времена изменились, расселять коммуналки стало делом обычным, и Лара начала всерьез подумывать о приобретении квартиры в единоличное владение. Одна комната у нее уже была, оставалось выкупить еще семь, и тогда...

Но «тогда» долго не наступало – целых восемь лет! Ровно столько времени понадобилось, чтобы всех расселить. Сначала у Лары просто не было денег, чтобы купить каждой семье по квартире, потом, когда средства появились (она быстро сделала карьеру на телевидении, переквалифицировав-

шись из помощника редактора в редактора, затем в сопродюсера и наконец в ведущую дневных новостей), закапризничали соседи, требуя несусветных условий проживания, в итоге в уговорах и поисках приемлемых для них вариантов прошли годы. Легче всего, как ни странно, оказалось договориться со старухой Берг. Она сразу согласилась на любую квартиру в любом районе и съехала отсюда первой. Сложнее было с последним обитателем коммуналки – старым пропойцей Андромедычем, по паспорту Андронимом Модестовичем Свирским, выходцем из артистической семьи оперных теноров, всю жизнь проработавшим грузчиком Арбатского гастронома. Андромедыч не желал съезжать вообще, к ужасу его дочери и зятя, которым хотелось унаследовать не убогую комнатуху, а отдельную квартиру! Он был слишком стар, чтобы менять место жительства, слишком непритязателен, чтобы мечтать о более комфортных условиях, и слишком общителен, чтобы уехать из района, где у него была масса собутыльников, приятелей, просто знакомых, а также провинциалов, готовых слушать его лекции об истории Москвы и басни о своих выступлениях перед Сталиным...

Поняв, что уломать старика не удастся, Лара сложила оружие и стала ждать, когда «противник» окончит свои земные дни, чтобы потом уже договориться с его наследниками. Ждать пришлось недолго, хотя Андромедыч и не умер. За год старик допился до белой горячки и полного истощения организма (у Ларисы были подозрения, что не без помощи

зятя), превратился в лежачего инвалида, который уже не мог вести самостоятельную жизнь. Дочь забрала его к себе на том условии, что Андромедыч согласится на продажу комнаты. Старику ничего не оставалось, как подписать документы.

Через четыре месяца Лариса Белозерова стала полноправной хозяйкой восьмикомнатной квартиры в центре Москвы. Лара планировала сразу же начать в ней ремонт: все ломать, менять, реставрировать. Но когда узнала, сколько для этого потребуется средств, приуныла – все ее немалые накопления пошли на покупку квартиры для дочери Андромедыча. Обещал помочь муж (как делал это уже не раз), но денег все равно не хватало, и ремонт пришлось отложить до лучших времен. Когда они наступили, Ларе стало не до ремонтов – она с головой ушла в работу. Ей предложили вести ежедневное ток-шоу, она согласилась и теперь дневала и ночевала в Останкине. Домой не каждый день попадала, не говоря уж о приобретенной квартире. Конечно, можно было просто нанять бригаду архитекторов-дизайнеров-отделочников, но отдавать свою мечту им на растерзание Лара боялась, хотела все контролировать сама, а времени на это у нее не было...

До недавних пор не было! А теперь – вагон. Шоу закрыли из-за низкого рейтинга, ничего нового ей не предложили – отправили до осени в отпуск, муж, пока Лара горела на работе, спутался с секретаршей, к которой не далее как вчера и ушел, ребенка они родить не успели, Ларисины отец с матерью в заботе пока не нуждались... Вот и выходило, что за-

няться, кроме как ремонтом, Ларисе было нечем. Одно плохо – на капитальный, с перепланировкой и реставрационными работами, денег у отставной телеведущей не хватало: на зарплату теперь рассчитывать не приходилось, впрочем, как и на помощь богатого супруга.

Но Лариса не отчаивалась. А точнее, не позволяла себе этого. И у нее получалось – так уж она себя выдрессировала. Ни несчастные девичьи любви, ни провалы на экзаменах, ни выволочки начальства не являлись для нее поводом для затяжных депрессий. Лариса отводила себе день-два на переживания, после чего мысленно возводила между собой и неприятностями глухую железобетонную стену (этому приему ее научила старуха Берг много лет назад, когда Лариса переживала первое любовное разочарование и ходила сама не своя, что не укрылось от наблюдательной Графини). И, отгородившись от неприятностей, шла по жизни дальше, не оглядываясь, не сожалея о прошлом и никогда не возвращаясь назад...

Лара закрутила кран, опустила ноги на пол. Ступни горели от холода, но боль в них прошла, и это радовало. Лара не стала вновь натягивать колготки, пошлепала по полу босой. Выйдя из ванной, она вышла в коридор и сразу двинулась к двери теткиной комнаты. Ее до сих пор украшал плакат с портретом Керка Дугласа в роли Спартака. Картинка прекрасно сохранилась – почти не выцвела, зато над лбом Ивиного любимца появились рога, пририсованные, по всей

видимости, Андромедычем.

Взявшись за уголок плаката, Лара собралась его сорвать, но передумала. «Пусть пока повисит, – решила она, – потом выкину прямо с дверью и с прочим хламом, коего в Ивиной комнате полным-полно». Несмотря на то что после тетки-ной смерти Лара вынесла на помойку большую часть вещей, там все равно оставалась куча ненужного старья: самодельные полки, которые она просто не смогла отодрать от стены, треснутая посуда, груда пластинок и альбомов, в которые Ива старательно клеивала фотографии любимых актеров...

При мысли о тетке Ларе стало грустно. Она любила эту странную женщину и долго горевала по ней. Но со временем боль от утраты прошла и вот теперь грозила вернуться, только Лариса не готова была переживать еще и из-за этого, поэтому постаралась побыстрее покинуть комнату тетки. Задержалась она только для того, чтобы переодеться: снять тесный костюм, белую блузку, белье и облачиться в старые спортивные штаны, майку и тапки.

Сменив рабочую униформу на домашнюю, Лариса отправилась бродить по квартире, прикидывая по ходу, что необходимо заменить в первую очередь. Нет, ясно, что начинать надо с туалета и ванной, тут без вопросов, а вот на переделку какого помещения бросить оставшиеся средства, она пока не решила. Естественно, хотелось всего и сразу, но коль нет такой возможности, нужно выбрать одно: или оборудовать кухню, или из коридора, утыканного кладовками, сделать холл,

или хотя бы из двух комнатушек соорудить одну нормальную спальню. Любая другая женщина на ее месте выбрала бы первое, ведь кухня для женщины – святое, но только не для Лары. Готовить она совсем не умела, разве что яичницу, продуктов не запасала, поэтому современная кухонная техника не представляла для нее интереса, а ко всяким чашкам-плошкам была равнодушна постольку, поскольку питалась обычно в ресторанах или кафе. Значит, кухня отпадает! Остаются коридор и спальня. Что выбрать?

Не переставая над этим раздумывать, Лариса отперла дверь в бывшую комнату старухи Берг и вошла. Она была самой маленькой в квартире и самой темной, зато наиболее аккуратной и практически первозданной: только в ней лепнина сохранилась полностью, а паркет не был застелен уродливым линолеумом. Когда Графиня здесь жила, в ней стояла старинная мебель. У Лары, в те редкие разы, когда ей разрешалось сюда входить, создавалось впечатление, что она попадает в прошлое, ибо в комнате не было ничего из настоящего. Эллина Берг не смотрела телевизора и не слушала радио. Не пользовалась фенами и пылесосами. Не читала современных газет и книг. Казалось, она не хочет иметь ничего общего с этим веком, предпочитая оставаться в прошлом. И с людьми из этого века общаться не желает, выбирая в собеседники давно умерших друзей или себя саму. Лариса часто замечала, как старуха, держа в руках какую-нибудь старую фотографию, шевелит губами, будто рассказывает ей что-то.

А вот с соседями Эллина за все время едва ли десятком слов перекинулась, и не то чтобы она их презирала, скорее просто не замечала. Исключение делала только для двух старожиллов квартиры: дяди Бори Коцмана и Андромедыча, да еще для Ивы и ее племянницы, но и с ними не особенно дружила. Остальных же просто игнорировала. За что была ненавидима многими обитателями коммуналки, а особенно Кузнецовыми, которые проживали за стенкой. Но у этих хотя бы была причина ее невзлюбить: вчетвером они ютились на двадцати четырех квадратных метрах и все ждали, когда же старая перечница отдаст концы и освободит для них свою комнату, а остальные злобились беспричинно и массово, но при этом избегали старухе пакостить. Друг другу в кастрюли тараканов подкидывали, а Эллине никогда... Парадокс!

Лариса быстро осмотрела пустую комнату и сразу перешла в соседнюю. Эта была не в пример предыдущей большая и светлая. А все из-за эркера, который помешал строителям, переделывавшим буржуйские хоромы в коммуналку, разделить гостиную пополам, изначально тут была именно гостиная с камином. Другие комнаты именно так и делились, поскольку были квадратными, с симметрично расположенными парными окнами – из них без особых хлопот можно было сделать две равноценные каморки, соорудив посредине кирпичную стену. Гостиная же из-за эркера пополам не делилась, поэтому перегородку возвели правее, обойдя выступ. Вот и получились две непохожие на остальные комна-

ты: одна маленькая с одним узким оконцем, вторая просторная, светлая да еще с архитектурным изыском в придачу.

Сейчас этот изыск был у Ларисы перед глазами: разошедшиеся рамы, оторванные шпингалеты, покореженные форточки. Но большого значения это не имело, поскольку окна все равно необходимо было менять на новенькие стеклопакеты. И вешать на них шторы из органзы: легкие, воздушные, непременно голубые. На подоконник ставить горшочки с фиалками. А у окна круглый столик для чаепитий...

– Все, решено! – сказала Лариса вслух. – Будем делать эту комнату!

Она прошла к стене, разделявшей гостиную, рванула обои, обнажив кирпичную кладку. Та выглядела не слишком прочной – цемент кое-где выкрошился, а кирпич изначально был некондиционным, поэтому сейчас его покрывали трещины. Лариса подумала, что сможет сломать стену сама. Главное, найти орудие труда. Например, молоток – кажется, в фильме «Призрак» герои ломали стену именно молотками, – а лучше кирку, и уж вообще будет здорово, если обнаружится электродрель. Хотелось надеяться, что в этом доме найдется хоть что-то...

Естественно, нашелся только молоток. С трудом отыскав его, Лариса вернулась в комнату и с размаху долбанула по стене. В лицо ей тут же полетела цементная труха, но и только. Лара стукнула по кирпичам еще раз и еще. Но стена не поддалась! Не то что та, в фильме. Очевидно, в Америке

стройматериалы не такие прочные, как советский кирпич, пусть и некондиционный.

Признав поражение, Лариса, не выпуская молотка из рук, прошла по комнате, осматриваясь и прикидывая, чем лучше покрыть стены: обоями, краской, декоративной штукатуркой или тканью. Хотелось тканью, как в Екатерининском дворце, но здравый смысл подсказывал, что обоями будет проще, краской дешевле, а штукатуркой актуальнее. Говорят, нынче это модно. К тому же грубая шероховатость стен приглушит помпезную роскошь камина – Лара хотела сделать именно роскошный камин: из белого мрамора с позолотой. В стиле Людовика XIV!

Пока же вместо камина стену, прилегающую к временной, «украшала» кирпичная заплата. У Кузнецовых на этом месте всегда стоял гробообразный шкаф, который они ни разу не сдвигали с места, даже когда делали ремонт, и вот теперь, когда шкаф разобрали и выкинули на помойку, обнаружилась не только голая стена без обоев, но и заложенный кирпичами каминный зев. Ни на что не надеясь, Лариса подошла к нему и стукнула по кладке молотком. И о чудо! Кирпичи посыпались, как фишки домино, один за другим падая к ногам Лары. Секундой позже в стене зияла дыра, а перед обсыпанной цементной пылью хозяйкой квартиры высилась гора строительного мусора.

Осторожно обойдя ее, Лариса подошла к отверстию и заглянула в него, ожидая увидеть небольшое углубление с ды-

моходом, но оказалось, что за обвалившейся перегородкой было довольно приличное пространство, метра полтора-два. Очевидно, когда-то в этой стене была ниша, в центре которой красовался камин. Когда же его сломали, нишу заложили кирпичом.

И вот теперь Лариса ее обнаружила! Что, бесспорно, порадовало, поскольку пара лишних метров возле камина не окажутся лишними. Будет куда положить поленницу дров и поставить подставку для кочережек.

Лариса присела, засунула голову внутрь, чтобы лучше рассмотреть «грот». Несколько секунд ее глаза привыкали к темноте, поэтому она не сразу поняла, что за пятно белеет в полуметре от дыры. Когда же зрение нормализовалось и Лариса разглядела, что это, она вскрикнула в страхе и отшатнулась, едва не разбив голову, – потеряв равновесие, она свалилась в кучу битого кирпича. А все потому, что белое пятно оказалось черепом. Да, да, человеческим черепом, скалящим зубы в жуткой посмертной улыбке!

Справившись с первым приступом паники, Лариса поднялась с пола и вновь заглянула в дыру. Ей хотелось убедиться, что череп – не плод ее воображения. Но нет! Череп на самом деле был, вернее, был целый скелет, застывший в сидячей позе.

«Муляж, – пронеслось в Ларисиной голове. – Из тех, что служат наглядными пособиями на уроках анатомии. Когда я училась в школе, мы по такому строение человеческого те-

ла изучали. Кажется, он был сделан из пластмассы, а его конечности крепились к туловищу металлическими крючочками...»

Но пока эта мысль формировалась, Лариса не отрывала взгляда от скелета, все больше убеждаясь в том, что он не из пластмассы. Нет, этот не служил наглядным пособием на уроках. Скелет был настоящим! Иначе откуда на его черепе взялись редкие волосы, на двух коренных зубах золотые коронки, а на виске вмятина?

«Его убили, – мысленно ахнула Лариса, имея в виду человека, чей скелет она сейчас рассматривала. – Стукнули чем-то тяжелым по виску, а потом замуровали...»

От этой мысли ей стало жутко, но Лариса быстро справилась с собой и попыталась размышлять здраво, без истерики. Итак, в ее квартире убили человека. Убили давно. Так давно, что он успел превратиться в скелет (или мумию – Лара не могла точно определиться с формулировкой). Это, бесспорно, ужасно, но у самой Ларисы причин для паники нет (бояться надо живых, а не мертвых – так всегда говорила Графиня, и Лара была с ней согласна), значит, не нужно поддаваться первому порыву – бежать отсюда без оглядки, а следует подумать над тем, как действовать дальше. Ответ напрашивался один – вызвать милицию, и Лара заспешила в прихожую, где на стене висел телефон, но остановилась на полпути...

«Когда это произошло, хотелось бы знать? – подумала она,

замерев на месте. – По всей видимости, несколько десятилетий назад. И это значит, что Кузнецовы многие годы соседствовали с мертвецом! Н-да... Знали бы они об этом, продали бы мне свою комнату гораздо быстрее...»

Или они знали?

Или это именно они убили?

Или его убили еще до них?

«Тогда труп может принадлежать тому чекисту, о котором мне рассказывала старуха Берг, – как вихрь пронеслась в голове мысль. – Я помню, как она упомянула о том, что после революции в квартиру заселился коллега и прямой подчиненный самого Железного Феликса, но в начале тридцатых годов он без вести пропал... Вдруг это именно его скелет?»

Лариса, вместо того чтобы подойти к телефону, вернулась в гостиную. Оказавшись у дыры, она вытащила из кармана коробок спичек, зажгла одну и осветила нишу...

На скелете была куртка. Вернее, когда-то на нем были и брюки, и рубашка, и носки, – но целиком сохранилась только куртка, поскольку была кожаной. Фасон ее оказался старомодным, но все же не настолько, чтоб принять ее за кожанку чекиста. К тому же на ее лацкане имелся значок. «Делегату XXIV съезда КПСС», который проходил в 1971 году (знала она это доподлинно, так как ее родители познакомились 30 марта 1971 года – в день, когда съезд был созван).

«Выходит, труп пролежал тут почти сорок лет, – резюмировала Лара и тут же мысленно ахнула: – Подумать только!

Несколько десятилетий квартира скрывала покойника, а ее жильцы и не подозревали... Стоп! – остановила себя Лариса. – Но как они могли не подозревать? Ведь труп, когда его только-только замуровали, должен был начать разлагаться и пахнуть так, что не заметить этого...»

Лариса опасливо принюхалась, боясь учуять трупный запах, но воздух внутри «склепа» был просто спертым – как в любом нежилом, плохо проветриваемом помещении. Однако никакого смрада разложения, только небольшой гниловатый душок!

«Вонь потихоньку ушла через дымоход, – решила Лариса. – Выветрилась за несколько десятилетий. Но в семидесятых тут должно было смердеть так, что непонятно, как можно было эту вонь проигнорировать. Дух разложения проникает даже через стены, и его должны были учуять все жильцы, не только Кузнецовы, а учуяв, поднять на ноги коммунальщиков, чтоб те проверили все закутки квартиры и нашли источник смрада... – Лара поморщилась – ее затошнило от этих мыслей, – но рассуждений не прервала: – А может, они и вызвали? Да только коммунальщики ничего не обнаружили. Или вообще не пришли на вызов – с них станется!»

Лариса вышла в коридор и направилась к телефону. Сняв тяжелую трубку с рычагов, она опять замерла, застигнутая врасплох новой мыслью. Ей вдруг подумалось, что из этой истории мог бы получиться интересный документальный фильм-расследование. Сейчас много таких снимается.

Только в основном в них копаются в грязном белье известных людей: политиков, артистов, спортсменов. Причем копаются иногда в буквальном смысле слова – Лариса лично видела, как журналист центрального канала тряс перед камерой подштанниками Кирова. Смотреть на это было неприятно, а слушать еще одну версию сто раз обмусоленного убийства скучно.

«Я сниму совсем другое кино, – решила Лара. – Без пошлости, а главное, на тему, не заезженную телевизионщиками. Это будет правдивая история о жизни и смерти обычного человека. Таинственная и печальная...»

Лара тут же придумала название для фильма – «Тайна старой коммуналки» – и первые его кадры: стена, рушащаяся под ударами молотка. Кирпичи падают один за другим, пока не образовывается дыра. В дыру проникает луч фонаря, шарит в ней, натывается на череп. Появляется название, затем идут титры.

«Нужна камера, – спохватилась Лара. – Оператор бы тоже не помешал, но лучше пока обойтись без него. Скелет сниму сама. Пройдусь с камерой по квартире. Из коридора в комнату Кузнецовых. От двери к каминной нише. И внутрь! Остальное доснимем в студии. А скелет для заставки возьмем муляжный. Из пластика. Который с крючочками...»

Итак, сначала раздобудем камеру. Это не проблема. Ее можно одолжить у Славика, оператора, снимавшего ее ток-шоу. Тот не откажет, он парень добрый, да и поглядывает

на Лару с интересом. Еще необходимо отыскать координаты стариков Кузнецовых. Позвонить, договориться о встрече, навестись к ним и расспросить о событиях того года, когда в их комнате производился ремонт. Ведь ясно, что таинственный «делегат» был убит именно тогда. Сначала убит, потом замурован. Вопрос, кем? Кем-то из семьи Кузнецовых? По логике, да. Но Ларе почему-то не верилось, что убийца смог бы много десятилетий делить личное пространство с трупом, а потом скелетом своей жертвы. Тогда кем? Каменщиками, закладывавшими нишу? Вдруг они напились, подрались и нечаянно убили одного из своей бригады? Нет, скорее прораба: на скелете импортная кожаная куртка, вещь по тем временам дефицитная. Да еще значок...

Нет, это не прораб! Личность гораздо более высокого ранга: дипломат, партийный функционер, директор какого-нибудь оборонного предприятия, видный ученый, кто угодно, но не строитель, пусть и при должности.

Лара вновь вернулась к дыре, протиснулась в пролом и, преодолевая отвращение, принялась шарить по карманам кожаной куртки. В левом она нашла ключ. В правом бумажник. В нагрудном – сложенную во много раз газету. Паспорт или права, как Лара надеялась, обнаружить не удалось. Но и тому немногому, что нашла, она обрадовалась. Подобрав все находки, Лара выбралась из ниши.

Усевшись прямо на пол, Лара стала их разбирать. Перво-наперво открыла кошелек. В нем оказалось довольно

много денег. И не только советских. Были еще немецкие марки. И монетка в один пфенниг, пробитая ровно по центру. Кроме этого в бумажнике Лара обнаружила маленькую фотографию. На ней был изображен симпатичный мальчишка лет семи. Надписи на обратной стороне не оказалось, хотя Лара очень на это рассчитывала.

Разобравшись с бумажником, она переключила внимание на ключ. Лара долго вертела его в руках, подносила к свету, ощупывала, но в конце концов вынуждена была констатировать, что он ничем не примечателен. Обычный ключ, разве только колечко причудливое: витое, ажурное, с вензельком в центре.

А вот газета, которую Лара развернула с великой осторожностью (та готова была расползтись у нее в руках), оказалась совсем не обычной. То есть не «Правдой» или «Трудом», как ожидалось. Это была немецкая газета. Вернее, вырезка из нее большой статьи с фотографиями. На одной заснят какой-то кабинет. А скорее – хранилище, так как вдоль одной из стен тянулся высоченный стеллаж с квадратными ящичками. А на двух других изображен худой мужчина с красивым, но суровым лицом. На первом снимке он был в форме нацистского офицера, а на втором – в гражданской одежде. Последняя фотография была сделана гораздо позже, ибо мужчина на ней выглядел старше. Как Лара поняла из броского заголовка, с горем пополам прочитанного (она учила немецкий в школе, но, естественно, уже почти ничего не

помнила), героя статьи звали Хайнцем фон Штайнбергом, а коли так, то на снимках был изображен именно он. Имя сие Ларисе ни о чем не говорило, прочесть текст ей не удалось, так что последняя находка ее тоже разочаровала. Но она все же решила показать статью знатоку немецкого языка, чтоб перевел (можно обратиться за этим к своей бывшей учительнице иностранного). Вряд ли это что-то даст, но мало ли...

Лара убрала кошелек с его содержимым и ключ в ящик брошенной Кузнецовыми старой тумбочки. А вот газету аккуратно сложила и сунула в пакет, намереваясь сегодня же отсканировать статью – пока та не расплзлась окончательно. После чего вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь, и направилась к телефону, дабы связаться со Славиком.

Глава 2

Камеру Славик одолжил без долгих уговоров. И даже показал, как ею пользоваться. Лара, вернувшись от него, быстро отсняла все, что собиралась. Получилось у нее не очень, сразу было видно, что работал непрофессионал, но ей хотелось добиться именно такого результата. Чтоб некоторые части фильма смотрелись так, будто это кадры домашнего видео (как в фильме «Ведьма из Блэра», словно снятом на любительскую камеру).

Когда одно дело было сделано, Лара взялась за другое. Отыскала адрес Кузнецовых, узнала в справочной их номер, позвонила. Трубку взял глава семьи – дядя Вася. Когда Лара отселяла Кузнецовых, тому было шестьдесят пять, сейчас же семьдесят с хвостиком, но голос его был бодр и звонок. Узнав, с кем разговаривает, дядя Вася стал вываливать на Лару новости. У жены катаракта, у него давление, сын уехал за границу, дочь развелась, внучка в институт поступила, кошка принесла пятерых котят, а топить их некому. Посвятив бывшую соседку во все семейные дела, он сразу отсоединился. Пришлось перезванивать. А потом спешно одеваться и вызывать такси, чтобы успеть встретиться с Кузнецовыми сразу после бабкиного сериала «Нежный яд» и до того, как начнутся дяди-Васины «Улицы разбитых фонарей».

Не видела Лара старика Кузнецова семь лет. С тех пор,

как отселила. Тогда он был пузатым, краснощеким, белобородым дедом. Она еще помнила его упитанным, черноусым, румяным мужиком, любителем женщин и дешевого портвейна. Ох и получал он за пьянки и амуры с коллегами от своей худой, желчной супруги Александры! А как она бушевала, когда он чуть не ушел от нее к тете Иве. Всех соседей на уши подняла, жалобы настрочила и в партком, и в профсоюз, и в ЖЭК, и участковому и мужика своего отстояла!

Сейчас дядя Вася предстал перед Ларой в третьем образе. Кузнецов, что называется, кардинально сменил имидж. Он гладко выбрился, коротко подстригся, похудел, перестал пить, из-за чего с его лица исчезла всегдашняя краснота и одутловатость. Тетка Шура же почти не изменилась. Разве что стала еще худее и желтее, а так – будто законсервировалась. Энергичная старушенция с жидким пучком на макушке, она и в пятьдесят, и в шестьдесят выглядела на семьдесят, теперь же, в семьдесят, выглядела точно так же.

– Ну и чего явилась? – ворчливо спросила баба Шура, встретив Лару в прихожей. Поздороваться с гостьей она не считала нужным. – Семь лет молчком, даже не полюбопытствовала, как квартира, которую ты нам подсуропила, нравится или нет, а тут вдруг явилась...

– Цыц, мымра полосатая! – гаркнул на нее дядя Вася. Он всегда жену обзывал мымрой, но почему именно полосатой, Лара не могла понять и очень веселилась, слыша сие прозвище. – Кто ж так гостей встречает? – Кузнецов ласково улыб-

нулся Ларисе и пригласил в дом. – Заходи, дочь, не стой на пороге.

Лара вошла в прихожую и проследовала за стариком в кухню. «Полосатая мымра» пошлепала следом, что-то бубня себе под нос. Дядя Вася усадил Лару за стол, налил ей чаю, сунул в руку конфету «Школьную», цыкнув на жену, угнезвился рядом и спросил:

– Переехала в квартиру-то?

– Нет еще. Комнату Андромедыча выкупила...

– Преставился, что ли? – полюбопытствовала баба Шура. Когда Лара поведала ей о приключившемся со стариком несчастье, та уверенно проскрипела: – Засрал, поди, все. – И с нескрываемым злорадством добавила: – Теперь тебе грязищу вывозить...

– Грязи полно, – кивнула Лара. – Но я все равно ремонт буду делать, перепланировку, так что... – Она перевела взгляд с бабы Шуры на старика Кузнецова. – Решила с вашей комнаты начать. Все ж таки гостиная с камином и эркером...

– Половина гостиной, – дотошно поправила Лару баба Шура. – В другой Графиня жила. Помнишь ее?

– Конечно.

– Ведьма была, а не баба! Нос крючком, глазищи черные, патлы седые... Помню, как я переехала к Ваське в комнату эту, а когда увидела ее, прямо испугалась, как бы не сглазила...

– В молодости зато она красоткой была, – встрял дядя Ва-

ся. – В варьете пела. Арти-и-истка... А подурнела после лагерей. Она ж из репрессированных. За шпионаж двенадцать лет отсидела, а давали двадцать пять.

– Правда, что ли, шпионкой была?

– Да кто ее знает? Графиня ж немка. То ли по отцу, то ли по матери, она то так говорила, то эдак.. Так что мало ли... Может, и шпионила...

– Но вот ведьмой была – точно! – не унималась баба Шура. – Андромедыча-то приворожила! Он за ней как пес бегал. Красавец был. Высокий, кудрявый, а она... Тошная, страшная, его лет на двадцать старше. Точно приворожила!

– Да он в нее был влюблен лет с десяти-одиннадцати – мне мать рассказывала... – заспорил с женой Кузнецов. – Втрескался несмышленным пареньком и на всю жизнь, а Элина тогда еще молодой была. Не на двадцать годов она его старше – меньше... А вот пить он из-за нее начал! Горе своей неразделенной любви заливал.

– Ну а Котя Семакин? – вскричала баба Шура. – Ты, Лариска, не помнишь его, он в дурку угодил до того, как ты в коммуналке нашей появилась. При тебе сестра его с сыном в комнате жили (спились они потом на пару), а до этого Котя еще с ними обитал. Художником был. Портреты писал. Нас всех перерисовал. А Графиню чаще других. То с розой, то с чашкой, то у зеркала. Влюблен в нее был так, что аж с ума спятил из-за того, что она его отвергла. Во как!

– Они с Андромедычем на пару в нее влюблены были!

С молодых ногтей дружили (я-то, понятное дело, свидетелем их дружбы быть не мог – родился гораздо позже, а вот ма-маня, что называется, сподобилась), а в 1938-м в пух и прах разругались... И все из-за Графини. Поделить ее не могли!

– Оказывается, Графиня была настоящей роковой женщиной, – заметила Лара. – Я-то ее старухой помню. Нелюдистой и суровой. Правда, видела в ее комнате несколько портретов роскошной брюнетки, но не думала, что это она...

– Она, она, – поддакнул дядя Вася. – Именно роскошной брюнеткой и была. Тонкая, высокая, с кудрями черными. А как одевалась! Загляденье! Брюки со стрелками носила. Тогда никто их не носил, а она носила. Пиджаки. Галстуки. Шляпки. Еще до того, как мода такая появилась. А еще перчатки носила. Говорила, истинные леди не должны выходить из дома без перчаток... – Он подпер щеку кулаком и мечтательно вздохнул. – Я малышом был тогда, а на всю жизни Графиню в том образе запомнил... Мечта, а не женщина!

– Померла уж, поди, – скрипнула баба Шура.

– Да уж поди, – в кои веки согласился с женой старик Кузнецов. – Она с пятнадцатого года вроде... Не может быть, чтоб доскрипела до наших дней...

И он пустился в рассуждения на тему плохой экологии и дурного лечения в муниципальных поликлиниках. А Лара досадовала на себя за то, что позволила словоблудному старику увести разговор от интересующей ее темы. Но на помощь неожиданно пришла баба Шура.

– Кладку-то тоже ломать будешь? – спросила она у Лары, бесцеремонно прервав супруга.

– Уже, – ответила Лара и, затаив дыхание, стала ждать реакции. Но старики Кузнецовы встретили это известие более чем спокойно.

– И правильно, – кивнула баба Шура. – От нее надо в первую очередь избавиться. Кирпич там плохой. Крошится. Уж как я с ним мучилась. Только убереешься, опять насыпалась труха да пылюга цементная...

– Не больно ты часто и убиралась, – буркнул дядя Вася. – А стену ломать надо не поэтому! А чтоб камин восстановить. Слышал я от кого-то (от Графини вроде), что раньше шикарный камин в нашей комнате был. С мрамором и позолотой. Да только разобрали его давным-давно и увезли куда-то. А когда стали квартиру в коммуналку переделывать, и нишу заложили. Чтоб у новых жильцов не было искушения огонь в комнате разводить...

– То есть та кладка появилась тогда же, когда и межкомнатные перегородки? – неуверенно спросила Лара. Это никак не вязалось с ее версией. – В двадцатые годы?

– Точно, – поддакнул дядя Вася.

– А вот и не точно, – торжественно молвила баба Шура и глянула на мужа с нескрываемым превосходством. – Не помнишь разве, что перекладывали ее, стену-то?

– Когда? – осторожно спросила Лара, не желая показать своей заинтересованности. – Хотя вы, наверное, не помните,

столько лет прошло...

– Почему же? Помню очень хорошо, – парировала старуха. И, загордившись от сознания собственной значимости, стала излагать: – Это было в семьдесят первом. Я как раз собиралась на работу выходить после декрета. Май стоял. Весна. Но холодная. Мы в деревню намылились, а на дворе дожди да стужа, все откладывали. Но тут коммунальщики ремонт в нашей квартире затеяли. Это сейчас все за свой счет, а раньше государство о нас заботилось. Раз в десять лет в подъезде белили, да и в квартирах нет-нет да подшаманят. Обычно, конечно, по мелочи, но в тот год прям капитальный затеяли. Трубы отопления поменяли, стены заделали, все покрасили. И такой нам кавардак в квартире устроили, что прямо житья не стало. Пришлось в деревню ехать, хотя тепла никакого не наступило. Но деваться было некуда! У нас ребенок маленький, а в коммуналке не продохнешь от пылици да краски...

– Не только мы, все уехали, – присоединился к жене Кузнецов. – Кто куда. Кто, как мы, в деревню. Кто к родственникам. А Андромедыч на работе ночевал, ему податься некуда было...

– И что, квартиру без присмотра оставляли? – поинтересовалась Лара.

– Нет, конечно. Графиня дежурила. Она единственная из коммуналки не выезжала. У нее ни дачи, ни родственников, ни работы. Вот и сидела дома. А мы только рады. Если на

кого квартиру и оставлять, то только на нее. Во-первых, точно ничего чужого не прихватит и другим не даст (мы ведь ей ключи от своих комнат оставили), а во-вторых, у нее не забалуешь! Рабочие перед ней на цыпочках ходили.

– Это точно, – кивнула баба Шура, и от этого движения ее «кукиш» на макушке заколыхался. – Стену в нашей комнате переложить именно она каменщиков заставила. Слышала, как я жаловалась на то, что из щелей дует, и велела старую сломать, а нишу новым кирпичом заделать. Они так и сделали. Да только лучше не стало. Сначала, конечно, я обрадовалась: тепло стало, хорошо, а немного погода цемент крошиться начал. Плохой, видно, раствор замесили. Тяп, ляп – лишь бы отделаться!

– Да они всю квартиру нам так отремонтировали, что лучше б не брались, – проворчал дядя Вася. – Трубы вскоре потекли, а краской уж какой покрасили... Ужас! Вонь стояла все лето. Пришлось в деревне жить.

– И, главное, пахло как-то странно, – подхватила баба Шура. – То ли тухлятиной какой-то, то ли газом. Мне казалось, газом, думала, они что-то повредили, когда кухню ремонтировали, но нет. Из Горгаза слесари приходили, проверяли, сказали, все нормально...

– А я тебе сразу сказал, что не в этом дело, – веско молвил Кузнецов. – В дымоход ворона упала, сдохла и разлагаться начала. Этот смрад к запаху краски примешался.

– Хорошо, деревня у нас была. А то не знаю, как лето бы

пережили.

– То есть осенью запах улетучился? – поинтересовалась Лара.

– Да вроде бы...

– А вот скажите, баба Шура, в тот год не приходил к кому-нибудь из ваших соседей высокий мужчина в кожаной куртке?

Услышав вопрос, старуха скорчила недоуменную гримасу: наморщила лоб, свела брови, а губы вытянула утиным клювом. Пришлось Ларе пояснять:

– Я помню, мне тетка рассказывала о мужчине в коже, являвшемся в вашу коммуналку. Будто бы именно во время ремонта. К кому именно, не помню, но он точно бывал в квартире. Тетка его заприметила, потому что он был щегольски одет. Тогда, сами помните, как мужчины одевались! Все в драпе да плащевке. А этот в коже фирменной. Вы, как женщина, тоже должны были обратить на него внимание... – Она с надеждой посмотрела на бабу Шуру. – Не помните такого?

Старуха втянула губы и принялась их жевать. Она не понимала, зачем Ларисе нужны эти сведения, поэтому тянула с ответом. Вместо нее ответил дядя Вася:

– Никто в нашу квартиру во время ремонта не приходил. К кому приходиться-то, ежели никого из жильцов нет? – резонно заметил он, после чего любопытствовал: – А чего тебя так этот кожаный пижон интересуется?

Лара замаялась. Она не знала, как удовлетворить его лю-

бопытство. Про скелет рассказывать не хотелось, а на ходу врать она не умела. Вот и молчала. Старикам это не понравилось. Особенно «полосатой мымре». Баба Шура выставила вперед крючковатый палец, ткнула им в Лару и обличительным тоном проговорила:

– Темнишь, девка!

– Да, Ларис, ты чего темнишь-то? – насупился Кузнецов.

– Понимаете, в чем дело... Я, руша стены, нашла в каминной нише мужские вещи. Куртка кожаная, добротная, явно дорогая, в ней бумажник, ключи. – Она воровато глянула на Кузнецовых, проверяя их реакцию. Но те сидели с каменными лицами. – Я решила, что это вещи того пижона, про которого тетка рассказывала, но никак не могу взять в толк, как они оказались в вашей комнате.

Дядя Вася неопределенно пожал плечами. А вот баба Шура, как всегда, нашлась:

– Ответ один. Это вещи не пижона твоего, а кого-то из каменщиков. Разделся да забыл. А потом нишу заложил. Когда очухался, было поздно. Не ломать же стену!

– Ради кожаной куртки я бы сломал, – возразил Кузнецов. – Ты вспомни, каким дефицитом были такие вещи. А тем более если в кармане кошелек остался...

– И ключи, – добавила Лара. – А на лацкане значок «Делегату XXIV съезда КПСС»...

– Тогда точно, не каменщику куртка принадлежала, разве таких на съезды посылали...

– Примолкни, Васька! – ни с того ни с сего гаркнула на мужа баба Шура. Но тот не обиделся: привык, видно, а старуха, уставившись на Лару глазами, горящими огнем озарения, прошептала: – Вспомнила! Вот ты как про значок сказала, меня будто по лбу тюкнуло... – Она проиллюстрировала это, ткнув себя пальцем в морщину между бровей. – Бывал в коммуналке нашей мужик этот. Высокий, красивый, в коже. Пижо-он. Лет пятьдесят ему было, но ухоженный. Не то что наши ханыги! Я прям залюбовалась им, когда в дверях столкнулась...

– Когда это было? Примерную дату не припомните?

– Ну, вот как ты говоришь, во время ремонта. Я приехала из деревни за кой-какими вещами. Собрала целый баул. Тащила его через прихожую. Волокла, можно сказать. Из-за чего краской перепачкала. Расстроилась очень, попыталась оттереть, но не вышло. Злая из квартиры вываливаюсь, а тут он. Пропустил меня, дверь придержал да еще спросил, не помочь ли... Воспитанный.

– Он вошел в квартиру?

– Ага. Я когда выскочила, он руку к звонку тянул. Но раз я открыла, он просто вошел...

– К кому притащился-то? – полюбопытствовал дядя Вася.

– В другой бы раз я обязательно узнала к кому, а тогда из-за сумки переживала, не до того было... – Она в задумчивости потерела свой пучок. – Но вообще-то в квартире тогда, кроме Графини, еще кто-то был. Я слышала, когда сум-

ку в своей комнате собирала, как она кому-то велела убрать за собой со стола.

– А кто тогда в квартире проживал? – поинтересовалась Лара и незаметно включила диктофон, лежавший в кармане.

– Кроме нас и Графини, Котя Семакин с сестрой и матерью, Андромедыч с бабкой (развелся он к тому времени), семья Большух, но они на все лето на Украину уезжали и в Москве не появлялись, как и Васнецовы, только эти где-то в нашей русской глубинке кантовались... – Баба Шура вопросительно глянула на мужа. – Кто там еще проживал-то у нас, а, Васък?

– Коцман, портной, не помнишь его разве?

– Конечно, помню, чего ты меня за склеротичку держишь? Плюгавый, чернявый, хроменький. Кошка у него еще была сиамская.

– Тоже от Графини млел. Бесплатно ее обшивал. И даже шляпки делал. Из фетра...

– А восьмая комната запертая стояла. Как раз перед ремонтом муж с женой, что там проживали, в аварии погибли.

– Так что в квартире вместе с Графиной тогда мог находиться либо Котя, либо Боря Коцман, либо Андромедыч, – подытожил дядя Вася.

– А рабочие в доме находиться не могли? – решила уточнить Лара.

– Нет, вечер был. Они работу уже закончили, – уверенно ответила баба Шура и продолжила фонтанировать воспоми-

нениями. – Они вообще тогда закруглялись. Раз я сумку изляпала, значит, уже все покрасили, а красили они в последнюю очередь...

– В последнюю очередь они стену в нашей комнате переложили, – заспорил с ней супруг. – Прямо на следующий день после того, как ты в город съездила. Помню, Графиня говорила, что рабочие стену после твоего отъезда сломали, но к вечеру новую выложили.

– И ведь мало того, что выложили, так еще и кирпич весь битый вывезли, – приняла эстафетную палочку разговора баба Шура. – А того красавца я больше у нас к коммуналке не видела. Может, в мое отсутствие приходил...

– Почему вы думаете, что он приходил?

– Ну а как же? Коль куртку оставил, наверное, приходил. Искал, поди, да каменщики ее прихватили, спрятали в нише, а потом забыли. По-другому она никак туда попасть не могла!

Логика в словах бабы Шуры была. Беда только в том, что в нише обнаружилась не только куртка, но и останки ее хозяйина, а значит, в мае семьдесят первого произошло преступление гораздо более серьезное, нежели воровство. Но мысли эти Лара, естественно, оставила при себе. Поблагодарив стариков за гостеприимство, Лариса покинула дом Кузнецовых.

Глава 3

На обратном пути к дому (жила она в их с мужем квартире, он поступил по-джентльменски: ушел и жилплощадь оставил) Лариса размышляла. Ей подумалось вдруг, что вся эта идея с заменой старой кладки на новую была затеяна именно для того, чтобы в нише труп спрятать. Вынести его из дома не смогли, вот и «замуровали». Кто именно, по-прежнему оставалось загадкой. Не старуха же Берг! Убить она, конечно, могла, духу бы у нее хватило, но сложить кирпичную стену вряд ли. Значит, «кожаного» лишил жизни кто-то другой. Очевидно, тот, кто находился в квартире помимо Графини: либо Семакин, либо Коцман, либо Свирский. Этот вывод Лару расстроил. Все трое сейчас если и живы, то недееспособны. Котя в психбольнице, Андромеда-ча хватил удар, а в Борисе Абрамовиче еще пять лет назад (именно тогда Лара его отселила) душа чудом держалась – племянник его из комнаты на руках выносил, – не может быть, чтоб Коцман до сих пор был жив. А коль и Эллина Берг преставилась, то узнать, кому она в тот день велела прибрать со стола, теперь не представляется возможным. Значит, следствие зашло в тупик!

«А вдруг она жива? – с надеждой подумала Лара. – Некоторые доживают и до ста. И она была очень крепкой старухой, когда я ее отселяла...»

Доехав до дома и поднявшись в квартиру, Лариса села за компьютер. В нем хранились координаты всех жильцов старой коммуналки. Был тут и адрес Эллины Берг. Лара вывела его на экран и стала звонить в справочную, чтобы узнать номер телефона. Но оператор ей ничем не помог, сказав, что данная квартира не телефонизирована. Сие известие Лару обнадежило. Отсутствие телефона могло означать, что Эллины Берг все еще там проживает. Старуха так ненавидела технический прогресс, что отказаться от телефона было абсолютно в ее стиле! А вот если бы туда въехал кто-то другой, он обязательно бы...

«Хотя нет, не обязательно, – тут же поправила себя Лара, – ведь сейчас у всех, даже древних стариков, есть мобильники... Да и автоматы на каждом углу стоят...»

Лариса выключила компьютер и заспешила к двери. Она решила съездить по адресу Эллины. Конечно, можно было не срываться, а сделать несколько звонков, чтобы узнать, кто сейчас прописан в старухиной квартире, но в этом случае пришлось бы некоторое время ждать ответа, а ждать Лара не любила.

Она выбежала из дома и, вместо того чтобы поймать машину (свою личную «Хонду Сивик» Лариса разбила в прошлом месяце – как всегда, торопилась на работу и «не заметила» столб), двинулась к метро. Так быстрее!

Добравшись до нужного района, Лара быстро нашла интересующий ее дом, он находился прямо возле станции метро.

На подъездной двери, к счастью, не оказалось ни кодового замка, ни домофона, и уже через минуту Лара стояла у двери в старухину (или не ее, кто знает?) квартиру.

Звонок не работал, пришлось стучать. Лариса побарабанила по косяку согнутым указательным пальцем. Когда ей никто не открыл, постучала громче и настойчивее по двери кулаком. На сей раз ее стук был услышан – до Ларисы донесся звук шагов, потом скрипучий старческий голос:

– Кто там?

– Эллина Александровна, это вы? – крикнула Лара через дверь. Старуха не посчитала нужным ответить, она молчала, но от двери не отходила. Тогда Лара бросила еще одну фразу: – Если вы Элина Берг, то я хотела бы с вами поговорить... – Опять тишина. И вновь шагов не слышно. Старуха не уходила, но и впускать незваную гостью не собиралась. – Я Лариса Белозерова, – представилась Лара, надеясь, что, услышав знакомое имя, Графиня (теперь у нее не оставалось в этом сомнений), сменит гнев на милость. – Лариса, племянницы Ивы, я выкупила коммуналку, в которой вы жили... Я могу задать вам несколько вопросов?

– Нет, – отрезала старуха и зашаркала от двери прочь.

– Тогда всего один! – выпалила Лара торопливо: – Вы не знаете, к кому во время ремонта семьдесят первого года приходил мужчина в кожаной куртке?

Шаги за дверью замерли. Несколько секунд стояла тишина, потом до Ларисинового слуха донеслось невнятное бормо-

тание. Это старуха вступила в диалог с самой собой. Лара была хорошо воспитана и никогда не перебивала старших, но на этот раз решила нарушить правило:

– У него еще значок делегата партийного съезда на лацкане был, – зычно проговорила она.

И тут дверь отворилась!

Это произошло так неожиданно, что Лара не успела подготовиться к встрече с хозяйкой квартиры. Хотя если бы и успела, все равно бы испугалась, увидев Эллину Берг, ибо она была похожа не столько на живого человека, сколько на мертвеца. Ее худое крючконосое лицо стало таким бесцветным и морщинистым, что напоминало скомканный лист пергамента. Щеки ввали, глаза ввалились, волосы почти вылезли. Тело Графини ссохлось так, что походило на ствол погибшего дерева. Но при этом старуха держалась прямо, а на ногах стояла крепко – Лара не увидела поблизости ни ходунков, ни даже палки.

– Эллина Александровна, – обратилась к ней Лариса, – могу я войти?

– Что ты там болтала о мужчине в коже? – спросила Графиня трескучим голосом.

– Вы не подскажите... – начала Лара, но старуха вновь оборвала ее вопросом:

– Откуда ты о нем узнала?

– Так вы помните такого? А как его имя не подскажите?

– Зачем тебе его имя?

– Чтобы найти его детей или внуков и сообщить им... – Лариса на миг запнулась, но, побоявшись своим враньем все испортить, выпалила: – Сообщить, что их отец или дед умер в 1971 году!

Старухины глаза, до этого тусклые и равнодушные, вдруг вспыхнули каким-то паническим удивлением, рот приоткрылся.

– Что ты сказала? – прохрипела она. И сглотнула, плотно зажмурив дряблые веки. – Умер?

– Этот человек был убит в вашей коммуналке. Его труп я обнаружила, когда сломала кирпичную...

Договорить она не успела, потому что в следующий миг старуха Берг, покраснев так, будто ее лицо обдало жаром, стала падать вперед. Она падала, как подрубленное дерево, стремительно и неумолимо, и Лара едва успела ее подхватить. Когда Графиня обмякла в ее руках, Лара бережно опустила ее на пол. Трясущимися пальцами коснулась морщинистой шеи. Пульс был! Под пергаментной старческой кожей слабо билась вена.

– Жива, – облегченно пробормотала Лариса и, вытащив из кармана сотовый телефон, стала звонить в «Скорую».

Глава 4

– Что с ней? – спросила Лара у приехавшего по вызову доктора. Он бегло осмотрел больную и принялся рыться в своем чемоданчике в поисках шприца.

– Инсульт, – констатировал он. – Судя по изменившемуся цвету лица, кровоизлияние...

– Это которое при гипертонии бывает?

– Не только. Еще при тромбозе, атеросклерозе, травмах черепа. Нередко возникает при сильном волнении и напряжении, – устало объяснил врач. – Вспомните, например, Брюса Ли. Он, здоровый молодой мужчина, умер как раз от кровоизлияния. Перенапрягся. А уж таким древним старухам, как ваша бабушка, достаточно немного понервничать, и все...

– Все? – переспросила Лара испуганно. – То есть она не выживет?

– Да пожила уж, хватит, – со свойственным медикам здоровым цинизмом заметил врач. – Сколько ей? Девяносто, не меньше?

– Даже больше. Она с пятнадцатого года...

– Ну, вот видите! Если она выживет, а это станет ясно в ближайшие сутки, намучаетесь с ней. Мозговая деятельность нарушена. Как следствие: парализация конечностей, поражение лицевых нервов, нарушение речи...

– И ничего нельзя сделать, чтобы ее вылечить?

– Мы можем, конечно, подключить ее к аппарату, но...

– Подключите!

– Это ничего не даст! У молодых жизненные функции могут восстановиться в течение месяца, но вашей бабушке под сто!

– Она не моя бабушка, – поправила его Лара.

– Тем более! – воскликнул он, но тут же полюбопытствовал: – А кто же?

– Бывшая соседка.

– Тогда зачем вам лишние проблемы? А траты? Мы ее бесплатно лечить не будем...

– Я все оплачу, – отрезала Лариса.

Врач уважительно хмыкнул, и Лара не стала объяснять, что движет ею совсем не благородство, а банальное чувство вины: ведь именно она стала виновницей приключившегося со старухой несчастья. Не приди Лариса к Эллине, не расскажи о смерти депутата, Графиня так и пребывала бы в своем непоколебимом спокойствии, а значит, ее не настиг бы инсульт!

– Ладно, я старуху забираю, – сказал Ларе врач. – Но мне нужны ее документы: паспорт и медицинский полис.

– Я не знаю, где у нее что лежит...

– Поищите. Лучше прямо сейчас. Чтобы сегодня же ее оформить...

Он распахнул дверь и крикнул кутившему на площадке

первого этажа фельдшеру, чтобы тот тащил носилки. А Лара тем временем прошла в единственную комнату и начала поиски документов. На ее удачу паспорт обнаружился сразу – Элина Александровна хранила его в верхнем ящике старинного комода. Там же лежало пенсионное удостоверение и стопка счетов. А вот полиса в ящике не оказалось. Так что пришлось поиски продолжить. Лара порылась во всех отделениях шкафчика, на полках стеллажа, в многочисленных шкатулках, забитых пожелтевшими письмами и снимками. Полиса она не нашла, зато наткнулась на вещь, более для нее интересную: порванную фотокарточку. Достав обрывки со дна шкатулки и сложив их вместе, Лара смогла рассмотреть изображение. На снимке был запечатлен мужчина с голым торсом, на груди которого болталась цепочка с круглым кулоном. Мужчина был по-киношному красив, белозуб, строен, а вот его украшение оказалось чересчур простым. Обычная тонкая цепочка (в лучшем случае серебряная), на которой висела... пробитая монета. Лариса чуть фотографию не выронила. Неужели это именно та монета и именно тот мужчина?

Лара перевернула снимок. На обратной его стороне было написано «Егор Д. Ялта. 1946 г.». Значит, «кожаного» зовут Егором! И в 1946 году он был в Ялте.

«Вот тебе, Лара, два новых факта! – пронеслось в ее голове. – Жаль, они никак не могут помочь в расследовании. Была бы хоть фамилия, а так...»

– Девушка, – донесся из прихожей голос доктора. – Вы скоро?

– Иду, – откликнулась Лара и поспешила на зов. – Паспорт, – сказала она, протянув врачу документ. – Есть еще пенсионное удостоверение. А полиса я не нашла...

Доктор проверил прописку. Убедившись, что она московская, буркнул:

– Ладно, без полиса обойдемся. – После чего двинулся к двери (старуху к тому времени уже унесли), не переставая с Ларой разговаривать: – Вы сейчас давайте с нами. Надо оформить документы, аванс заплатить...

– А без меня никак? – с надеждой спросила Лариса. Она очень устала и хотела домой. – Я могу деньги прямо сейчас отдать... И за лечение, и вам, за беспокойство... – Она открыто улыбнулась. – Сколько надо?

Доктор поиграл бровями. Он не хотел продешевить, но и наглеть не смел.

– Пока пяти тысяч будет достаточно, – сказал он наконец. – А там посмотрим...

Лариса достала кошелек. На счастье, у нее была с собой нужная сумма, и она смогла расплатиться.

– Но завтра все равно приезжайте, – сказал врач, быстрым движением пряча купюры в карман белого халата. – С лечащим доктором поговорите, он вам более точный прогноз даст. Да и денежные вопросы с ним обсудите...

Лариса согласно кивнула. Она и без того бы приехала, что-

бы проведать Эллину Александровну.

– Всего хорошего! – попрощался с ней врач и покинул квартиру.

Немного погодя ушла и Лариса. Порванную фотографию Егора Д. она на всякий случай взяла с собой. Пересекая двор, Лара обратила внимание на двух мужчин, стоявших у сильно подержанного японского внедорожника с заляпанными грязью номерами. И обратила потому, что они не отрывали глаз от окон Эллины Александровны, при этом один что-то записывал, а второй говорил по телефону.

«Будто докладывают, что Графиню увезли, – мелькнуло в голове у Ларисы. – Хотя о чем это я? Кому нужна эта старуха, кроме меня?..»

Глава 5

Утро следующего дня Лара начала с телефонного звонка.

– Катерина Петровна, здравствуйте, – сказала она, услышав голос своей бывшей учительницы немецкого языка. – Вы не могли бы мне помочь?

– Лариса, ты? – зачем-то спросила Катерина Петровна: она прекрасно помнила всех своих учеников и каким-то непостижимым образом узнавала их по голосу. – Здравствуй, дорогая. Что ты хотела?

– Мне нужно перевести статью из немецкой газеты...

– А сама?

– Катерина Петровна, вы шутите? – засмеялась Лара. – Я ж ничего не помню...

– Плохо.

– Знаю, – покаянно вздохнула бывшая ученица.

– Прочитать-то хоть сможешь?

– Попробую... – Лара открыла файл со статьей, вчера она успела ее отсканировать, и начала читать с экрана. Не прошло и минуты, как «немка» ее прервала:

– Лариса, прекрати! Это не чтение, а издевательство над языком!

– Так плохо?

– Чудовищно! – безапелляционно заявила Катерина Петровна.

– Я просто с экрана читаю, – попыталась оправдаться Лариса. – А это с моим не очень хорошим зрением трудно...

Катерина Петровна хмыкнула так красноречиво, что Лара сразу примолкла. А «немка» после небольшой паузы предложила:

– Пришли мне статью по электронной почте. Адрес я тебе сейчас продиктую. Надеюсь, ты сможешь его правильно записать...

– У вас есть компьютер? – несказанно удивилась Лариса – по ее подсчетам, Катерине Петровне было никак не меньше семидесяти. – И Интернет подключен?

– А ты думаешь, только вам, молодым, доступны блага цивилизации? – усмехнулась «немка», после чего по буквам продиктовала свой e-мэйл. – Отправляй, я жду. Перевод предпочитаешь получить в том же электронном виде? Или тебе достаточно будет зачитать его по телефону?

– Лучше в электронном.

– Хорошо. Тогда я жду твоего письма, не забудь заархивировать его, а то у меня ящик почти полный, – деловито сообщила старая учительница и отсоединилась.

Положив трубку, Лариса с улыбкой покачала головой. Ай да Катерина Петровна, ай да молодец! Лара и думать не думала, что бывают такие продвинутые старушечки! Хотелось бы ей самой в семьдесят лет такой быть. Но это вряд ли! Она в тридцать пять компьютер знает так слабо, что значение слова «заархивируй» придется узнавать у Славика.

Лара ему тут же позвонила. Получив нужную информацию, засела за компьютер. Спустя четверть часа заархивированное письмо было отправлено учительнице, после чего Лариса пошла завтракать. Потом она намеревалась отправиться в клинику, но едва успела проглотить чашку кофе и пару бутербродов, как раздался телефонный звонок. К огромному Ларисинуму удивлению, это была Екатерина Петровна с известием, что перевод готов.

– Уже? – ахнула Лара. – Ну вы даете!

– Даю не я, а специальная программа, – усмехнулась Катерина Петровна. – Могу узнать, для чего тебе нужен перевод этой статьи?

– Для работы. Я собираюсь снимать документальный фильм о... – Лариса замолчала, не зная, как закончить фразу, поскольку посвящать в свои планы пока никого не хотела. К ее радости, «немка» договорила за нее:

– Фильм о секретных архивах нацистов, правильно? – Лара решила ответить утвердительно. Катерина Петровна тут же воскликнула: – Я так и подумала! Посему, кроме перевода, отправила тебе несколько статей на ту же тему, почитай. Вдруг пригодятся!

– Спасибо вам огромное, – с чувством произнесла Лариса. – С меня коньяк! Надеюсь, вы еще его употребляете...

– Коньяк я, естественно, по-прежнему потребляю. Пью по пятьдесят граммов каждый день, это очень полезно для здоровья – сосуды расширяет. Но от тебя я его не приму. Доста-

точно твоей устной благодарности, – отрезала «немка», после чего попрощалась и отсоединилась.

Положив трубку, Лариса пошла к компьютеру. Выйдя в сеть, она открыла первое письмо от Катерины Петровны, пробежала глазами по экрану. Сначала просто просмотрела текст, потом, уловив суть, стала читать внимательно. В статье говорилось о нацистском преступнике Хайнце фон Штайнберге, которому удавалось многие годы скрываться от правосудия. Когда-то он возглавлял Центральный отдел Абвера (этот отдел занимался административными вопросами, ведал центральным архивом и картотекой агентов), после расформирования сего разведывательного органа в 1944 году перешел на службу в Главное управление имперской безопасности, а после войны бесследно исчез вместе с секретными документами. Поскольку архивы военной разведки гитлеровской Германии представляли огромную ценность для спецслужб многих государств, за фон Штайнбергом велась серьезная охота. Хотя он, по сути, был обычной канцелярской крысой, не причастной ни к одному из зверств нацистов, его объявили опасным преступником и бросили на его поимку лучшие силы. Но изловить бывшего главу отдела «Ц» смогли только спустя двадцать пять лет после окончания войны. Сделать это удалось представителям советских спецслужб. А вот завладеть документами им не посчастливилось! Тотальный обыск в доме фон Штайнберга ничего не дал, как и многочисленные допросы арестованного. Бывший

глава архивного отдела Абвера не пожелал раскрыть тайну местонахождения картотеки. В итоге он унес ее с собой в могилу – фон Штайнберг не дожил до суда пару дней и умер при весьма загадочных обстоятельствах.

Кроме этого, в конце статьи была помещена цитата из интервью одного советского дипломата, дававшего комментарии по делу фон Штайнберга. Тот уверял немецкого журналиста, что архивы давным-давно находятся в руках ЦРУ. Якобы фон Штайнберг продал их американцам за баснословные деньги. А в придачу к «гонорару» получил гарантии личной безопасности.

По поводу этого немецкие журналисты имели свое мнение, а именно: русские врут! На самом деле, по разумению автора статьи, архив попал в руки КГБ, но комитетчики решили скрыть этот факт от мировой общественности. А чтоб все осталось шито-крыто, по-тихому прихлопнули фон Штайнберга и замяли дело.

Прочтя это, Лара задумалась. В принципе, такое развитие событий не исключалось. Как и то, что западные журналисты высосали эту версию из пальца, чтобы очернить врага – в период «холодной войны» такие нападки на органы госбезопасности СССР и на страну в целом были нередкими. Теперь же, по прошествии стольких лет, докопаться до правды не представляется возможным. Да и не особенно правда эта волновала Ларису Белозерову. Гораздо больше ее интересовало другое, а именно: какое отношение ко всем этим собы-

тиям имеет Егор Д. Исходя из того, что он хранил эту газетную вырезку, получалось, что непосредственное. А иначе зачем таскать в нагрудном кармане ту статью?

Решив поразмыслить над этим позже, Лара вновь припала к экрану. Она открыла второй присланный Катериной Петровной файл, в котором помещались выдержки из нескольких статей. Простудировав их, Лариса пришла к выводу, что все они содержат примерно одну и ту же информацию, а именно: ЦРУ согласилось рассекретить часть своих архивов, содержащих сведения об отдельных нацистских военных преступниках. Гриф секретности снят с более ста именных папок, что поможет раскрыть многие тайны Третьего рейха.

Из полученных данных можно было сделать вывод, что советский дипломат был прав: архивами Абвера действительно завладели американцы. Скорее всего, фон Штайнберг на самом деле продал их ЦРУ. Либо картотека все же попала в руки КГБ, но была украдена одним из двойных агентов и переправлена за Запад. В общем, гадать можно сколько угодно, но Лара решила не ломать голову над проблемой, имеющей лишь косвенное отношение к ее делу. Она очень сомневалась, что смерть «кожаного» напрямую связана с этой шпионской историей... Хотя... Все может быть! Особенно если вспомнить, что Эллина Берг была осуждена за шпионаж. Не исключено, что Графиня как-то причастна к делу фон Штайнберга. И если это так, Ларисин фильм может по-

лучиться не просто интересным и захватывающим, а прямо-таки сенсационным. Вдруг ей удастся раскрыть не только убийство, но и одну из исторических загадок?

Эта мысль взволновала Ларису. И заставила ее мозг лихорадочно соображать. «Думай, думай, детка, – торопила себя Лара. – Что можно сейчас предпринять? Узнать фамилию Егора Д., это бесспорно, но не у кого. А раз так, нужно двигаться в другом направлении... Например, не мешает покопаться в прошлом Графини, именно там, в прошлом, есть вероятность найти ответ и на предыдущий вопрос...» Последняя мысль показалась Ларе наиболее здоровой. Ведь Эллина Берг если и не ключевая фигура в этой истории, то бесспорно связующая, а значит, нужно разузнать о ней как можно больше. Вопрос – где? Обратиться за этим к дяде Васе? Но тот мало общался с Графиней (вернее, она с ним) и вряд ли добавит еще что-то к уже сказанному. «Жаль, что до наших дней не дожил ни один из «аксакалов» старой коммуналки, кроме пьяницы Андромедыча да психически ненормального Коти, – пронеслось в Ларисиной голове. – Ни тетя Ива, ни старики Васнецовы, ни Больбухи. Кто-то из них мог бы пролить свет на прошлое Эллины Берг...»

Нет, никто из них не мог, тут же поправила себя Лариса. Графиня держала всех на расстоянии. Несмотря на то что прожила со всеми бок о бок несколько десятилетий, так никого к себе в душу и не пустила. Тетке она кое-что о себе рассказывала, но Ива уверяла племянницу, что половина из

сказанного – вранье. По мнению той, Эллина готова была насочинять с три короба, лишь бы не показать своего истинного лица. Да и «интересничать» слишком любила. Болтала, например, о своей головокружительной сольной карьере и сонме высокопоставленных поклонников, а на самом деле была певичкой в варьете, и увивались за ней лишь соседи по коммуналке – Андромедыч, Борис Коцман да какой-то полумный художник. По всей видимости, имелся в виду тот самый Котя Семакин, о котором говорил дядя Вася...

Ее мысли оборвал телефонный звонок. Взяв трубку, Лариса услышала голос поминаемого секунду назад дяди Васи.

– Слышь, Лариска, – сказал он, опустив приветствие. – Я тут знаешь что подумал? Про «кожаного-то»... У Коти тебе надо о нем спросить. – Тут в трубке что-то зашуршало, и вместо мужского голоса Лара услышала женский – тети-Шурин: – Не слушай его, Лариска! Подумал он! Это я вслух рассуждала, а он мысли мои себе присвоил и кинулся тебе звонить... Ирод! – На том конце провода раздалось протестующее ворчание Кузнецова. Баба Шура, цыкнув на него, продолжила: – Когда пижон тот кожаный в коммуналку приходил, Котя дома был. Я за сапоги болотные споткнулась, когда к двери подходила, а такие только Семакин носил. У нас никто больше рыбалкой не увлекался. А он притащится с реки, сапожищи свои скинет у порога, и нет ему дела, что другим не пройти не проехать...

– Пойдите, баба Шура! – оборвала старуху Лара. – Вы

вроде бы говорили, что Котя этот с ума сошел...

– Ну!

– Как же я у него, сумасшедшего, буду что-то спрашивать?

И потом, я не уверена, что он еще жив...

– Котя жив, – заверила ее старуха. – Я Кольку, племяша его, в магазине позавчера встретила (квартиры-то ты нам в одном районе купила), он деньги у меня на хлеб клянуть стал. Но я-то знаю, что ему на опохмел надо, вот и не дала, хотя про мать и дядю спросила, все ж таки соседи бывшие... Ну он и рассказал. Мать померла от винища проклятого, а Котя до сих пор здоровствует. Даже племяшу иной раз помогает деньгами – Колька к нему в приемные дни заходит. Типа навестить, а на деле рублишками разжиться. Им же, психам, тоже пенсию платят. И Котя, дурак, Кольке часть отдает...

– Он в каком сейчас состоянии?

– Колька-то? В обычном – «синий»...

– Нет, я о Коте спрашиваю...

– А-а-а... Ну, Колька говорит, что в нормальном. Приступы у него теперь нечастые. Только по весне да осени обострения, как у всех шизиков. А сейчас-то лето...

– То есть я могу его навестить? Меня пустят?

– Да запросто. Скажешь, что племянница. Сунешь сестре в регистратуре коробку конфет, тебя и пропустят, – заверила ее баба Шура, после чего сообщила адрес психиатрической больницы, где Семакин лежит, и без всякого «до свидания»

отсоединилась.

Бросив трубку на рычаг, Лариса торопливо записала координаты клиники. После нашла в телефонном справочнике номер регистратуры, набрала его, узнала, можно ли навещать пациента Семакина, а когда на это ей дали добро, отсоединилась и позвонила в другую больницу. На сей раз в ту, где лежала Графиня. Там ей сказали, что интересующая ее пациентка в сознание так и не пришла и находится в критическом состоянии.

«Все равно надо навещать, – решила про себя Лара. – Заеду сразу после посещения «психиатрички»...»

И стала торопливо собираться.

Глава 6

Лара тихонько вошла в тесную, но удивительно светлую комнатку. Помещались в ней лишь кровать, тумбочка и стул, зато через огромное окно сюда врвалось столько солнечно-го света, что хотелось зажмуриться.

Прикрыв глаза ладонью, Лариса посмотрела на сидящего на стуле старика. Был он худ, абсолютно лыс и выглядел очень изможденным. При этом Семакин сидел прямо, ровно, и у него не тряслись ни голова, ни руки. На психа же он совсем не походил. Спокойное лицо, сосредоточенный взгляд, четкие, уверенные движения рук – когда Лара вошла, он водил пастельным мелком по альбомному листу, рисуя чей-то портрет. Чей именно, стало ясно в следующее мгновение, когда Лариса подошла поближе и заглянула через семакинское плечо. Умалишенный художник писал Графиню! На портрете она была молодой и прекрасной, такой, в какую он влюбился много десятилетий назад...

– Красивая, правда? – спросил Семакин у Лары, перестав рисовать, но не отрывая глаз от портрета.

– Очень, – честно ответила она.

– А в жизни еще лучше была... – Он перевернул лист и на чистом стал набрасывать контуры лица. – Да и сейчас, наверное, еще красива. Таких женщин ничто не портит, ни седина, ни морщины, они изнутри светятся...

– Почему вы уверены, что она жива? Ведь Эллине Александровне сейчас девяносто с хвостиком...

– Когда она умрет, я почувствую, – ответил он. – И вслед за ней уйду. А то зажился уже... Пора!

– У Эллины Александровны случился инсульт. Она в критическом состоянии.

– А я-то думаю, что мне так плохо последнее время! Сердце так и ноет, так и ноет... – Семакин, поморщившись, приложил сухую ладонь к груди. – А вы, милая, зачем ко мне явились?

– Поговорить об Эллине Берг, – осторожно сказала Лара, боясь, что Семакин начнет допытываться, зачем ей это нужно, но Котя (Константин Сергеевич) не задал ни одного вопроса: казалось, он был только рад с кем-то поговорить о своем кумире.

– Я влюбился в нее в тридцать восьмом, когда еще ребенком был. Эллине тогда двадцать три исполнилось, и она была как никогда прекрасна. И очень успешна! Довоенные годы были ее «золотым веком». Она с огромным успехом выступала в варьете и ресторанах, имела кучу высокопоставленных поклонников и возможность выезжать за границу. Эллина побывала в Болгарии, Польше и даже в Германии. Между прочим, там, на прусской земле, она познакомилась с Марлен Дитрих, которая впоследствии переняла ее образ! – По мнению Лары это было абсолютной чушью, выдуманной «интересничающей» Графиней (Дитрих, насколько она пом-

нила, покинула Германию в 1930 году, сразу после выхода знаменитого фильма «Голубой ангел»), но Лариса ничем не выказала своего отношения к услышанному и продолжала внимательно слушать. – А в Германии Эллина гостила у одного барона, которому вскружила голову. Он даже жениться на ней хотел, но Эллочка вернулась на родину...

– Почему? Она была такой патриоткой?

– Не в этом дело. Как она сама говорила: «Будь мое сердце свободным, я вышла бы за барона не задумываясь, но я влюблена, и мне никто не нужен, кроме моего Малыша...»

– Малыша? – переспросила Лара.

– Она так звала его, своего любовника. Малышом (никогда по имени, я даже не знаю, как его звали, если честно)...

– Он что, был маленького роста?

– Нет, высоченный...

– Тогда почему Малыш?

– Младше Эллины он был. Всего на пару лет, наверное, но все же... В момент их знакомства он был еще студентом, она же привыкла к солидным мужчинам... Все ухажеры, что были у нее до Малыша, пятый десяток разменяли и занимали высокие должности... А тут малолетка... Да еще и студент! – Карандаш в его руке замер, а взгляд переместился с бумаги на квадрат окна. – Они долго встречались. Ссорились, потом опять мирились и снова ссорились. Кроме Малыша, у нее было множество мужчин, но никого она так не любила. Взять хоть того же немца! Он за ней в Москву приезжал, на коле-

нях стоял, молил стать его, но Эллина была непреклонна...

– Откуда вы так много о ней знаете?

– Она мне рассказывала. Не обо всем, но о многом. Когда я ее рисовал... – Семакин прикрыл глаза, заслезившиеся от солнца. – А ее барон в войну большую карьеру сделал. Дослужился до высокого звания, занял какой-то крупный пост в Абвере...

Услышав это, Лара вздрогнула. Как знакомо! Фон Штайнберг был немецким аристократом (отсюда и приставка «фон») и занимал пост в аппарате Абвера. Совпадение?! Или?..

– А вы не в курсе, как звали того немецкого барона? – спросила Лара.

– Гансом, кажется... – Он поморщился. – Я не помню точно, потому что Эллина его всегда называла просто «мой Фон-Барон».

– Неужели это был именно Хайнс фон Штайнберг? – прошептала Лара пораженно.

Котя, услышав ее реплику, поддакнул:

– Да, скорее всего, именно так его и звали. Хайнсом и фонном – точно. Фамилию же не назову...

– А вы не могли бы... – Лариса спешно полезла в сумку за распечаткой газетного портрета фон Штайнберга. – Опознать его по фото?

– Я его ни разу не видел, – покачал головой старик. – Эллочка никогда не водила мужчин домой. Очень дорожила

своим личным пространством. Исключение только для Малыша делала...

Вдруг он резко замолчал. Лара удивленно воззрилась на Котю, не понимая, почему его красноречие так неожиданно иссякло, и увидела, что взгляд Семакина прикован к ее раскрытой сумочке, где кроме кошелька, ключей, косметики и сотового телефона находились распечатки статей и найденная в квартире Графини фотография. Семакин смотрел именно на нее!

– Откуда это у вас? – хрипло спросил он и потянулся к снимку.

– Я нашла это в вещах Эллены Александровны, – растерянно ответила Лара, передавая фото старику. – А вы что, знали этого человека?

– Знал, мало сказано, – горько усмехнулся Семакин. – Я его ненавидел! – Пальцы его дернулись, будто Котя хотел скомкать фотографию, но тут же разжались – Семакин передумал мять портрет и просто вернул его Ларе. – Мы все его ненавидели... И я, и Андрон, и Боря. Все, кто любил Эллену...

– Почему? – тихо спросила Лариса, хотя уже догадалась, каким именно будет ответ. И она не ошиблась.

– Это Малыш, – коротко ответил Семакин.

– Его звали Егором.

– Да? – рассеянно спросил Котя. – Что ж... Ему идет это имя... – Вдруг на лице его появилось выражение, похожее на

озарение. Старик занервничал, забормотал что-то себе под нос, а потом взволнованно выпалил: – А как его фамилия?

– Вот этого я не знаю, – с сожалением протянула Лара. – И понятия не имею, у кого могу...

– У Бори! – воскликнул Семакин. – У Коцмана! Он должен знать фамилию Малыша, потому что Элина познакомилась с ним через Борю.

– Как так?

– Насколько я знаю, мать Малыша была постоянной клиенткой Коцмана, как и Элиночка. Как-то раз на примерку ее сопровождал сын... Ну и... – Он тяжело вздохнул, понурился, но тут же встрепенулся и, схватив Лару за руку, торопливо проговорил: – Если узнаете у Бори фамилию Малыша, не поленитесь сообщить ее мне. Хорошо?

– Да, конечно, – удивленно ответила Лара. Она не могла взять в толк, зачем Семакину это нужно, но тут же решила, что задумываться над мотивами, которые движут психически ненормальными людьми, не стоит, и просто заметила: – Я сомневаюсь, что смогу узнать у Коцмана хоть что-то. Когда я видела его последний раз, он был при смерти. Думаю, сейчас его уже нет в живых.

– Жив он, жив, не сомневайтесь, – безапелляционно заявил Котя. Ларе подумалось, что он так уверен в этом, потому что недавно с ним виделся или разговаривал, но следующей своей фразой Семакин опроверг ее предположение: – Элина и его не отпускает! Эта женщина держит мужчин за

сердце (и душу) всю жизнь и выпустит лишь тогда, когда покинет сей мир...

– Если следовать вашей логике, то Андромедычу уготована та же участь, – проговорила Лара, постаравшись не показать, что воспринимает слова старика как бред психически нездорового человека.

– Конечно! Все мы, ее вассалы, живы.

– А сколько вас? Трое, как я понимаю...

– Четверо, – поправил ее Семакин.

– Кто же четвертый? Малыш?

– Нет, Малыш не был ее вассалом. Только я, Андрон, Боря да еще Мишка, то есть те, кого она держала за сердце, держа при этом на расстоянии...

– Мишка? – удивилась Лара, она впервые услышала это имя. – Кто это? Еще один сосед?

– Нет, он не жил в нашей коммуналке. Звали его Михаилом (фамилии и отчества я не знаю). И он был каким-то важным человеком. При должности. Но Эллина его только Мишкой называла. Потому что он был чем-то на медведя похож. Широкий, темный, косолапый. Они познакомились во время Великой Отечественной. Он воевал, а она для наших солдат концерты давала. Мишка в нее влюбился! А когда война кончилась, пришел к Эллине свататься. Та, естественно, его отвергла (у них с Малышом как раз очередной «медовый месяц» начался). Но Мишка не сдавался. Ходил к ней, как на работу. Когда Эллина его пускать перестала,

сдружился с Гришкой Большухом, только чтобы быть вхожим в квартиру. Хотя уж до чего разные люди были! Гришка выпивоха, матерщинник, четыре класса образования, а Мишка трезвенник, интеллигент, при должности опять же... – Семакин примолк. Секунд десять он безмолвствовал, отрешенно глядя перед собой, после чего возобновил рассказ: – Когда Эллину посадили, Мишка пропал. И не видели мы его до тех пор, пока она домой не вернулась. А произошло это, надо сказать, уже в шестидесятых. То есть Эллиночка не сразу после амнистии (ее в 1958-м реабилитировали) возвратилась в Москву, а через несколько лет. И едва она появилась, как буквально на следующий день Мишка пришел. Опять с предложением! Но вновь отказ получил, хотя никакого Малыша у Эллины уже не было.

– Они все же расстались?

– Расстались, – подтвердил Котя. – Не знаю почему. Когда именно, тоже сказать не могу. В 1946-м еще встречались. Помню, что буквально за день до того, как Эллину арестовали, видел Малыша на кухне в халате и тапках. Но после – ни разу!

– Не спрашивали Эллину Александровну, что произошло?

– Сколько раз! Но она так ничего мне и не сказала. Она вообще из лагерей вернулась другой. И дело не во внешних изменениях, хотя они были такими разительными, что никто, кроме нас, ее вассалов, Графиню не узнал. Эллина изме-

нилась внутренне. Замкнулась. Стала жесткой, нелюдимой, суровой. Раньше поболтать могла с соседями, посмеяться, теперь же все молчком. Даже со мной (меня она выделяла особо) почти не разговаривала. И от любой помощи отказывалась! Хотя тяжело ей было. И морально, и материально, но Эллина со всем справлялась сама. И все предложения руки и сердца отвергла. Мы ведь все четверо ей в мужья набивались. Но она твердо ответила нам «нет». Даже Мишке, который к тому времени высоко взлетел. Комната-то за Эллиной осталась только благодаря его хлопотам. Раньше ведь как? Врагов народа всего лишали, в том числе жилплощади. Многие тогда, вернувшись, по родственникам-друзьям скитались, а Графиня возвратилась к себе в комнатку, где и мебель, и посуда, и ковры – все сохранилось. Мы-то думали, почему к нам никого не вселяют, некоторые (это я Кузнецовых имею в виду) даже в ЖЭК ходили скандалить, но все осталось неизменным...

– А вот скажите, Константин Сергеевич, – прервала стариковский монолог Лариса, – помните ли вы тот год, когда в вашей коммуналке ремонт делали?

Семакин, услышав вопрос, вздрогнул – Лара отчетливо видела, как повело его худые плечи, но ответил совершенно спокойным голосом:

– Конечно, это было в 1971-м.

– Вы уезжали на время ремонта из Москвы?

– Да. На рыбалку.

– И жили на реке все то время, что длились работы?

– Нет, однажды я приезжал в город.

– Когда ремонт уже подходил к концу, не так ли?

Котя удивленно возрился на Лару. Очевидно, его поразила ее осведомленность.

– Да, он был почти закончен – маляры уже все выкрасили, но потом еще кладку в комнате Кузнецовых поменяли, – ответил он после небольшой паузы.

– Это было при вас? Вы видели, как ломали старую и выкладывали новую стену?

– Нет. Я ранним утром уехал на реку, а рабочие являлись не раньше десяти... – Он вперил в Лару настороженный взгляд и сухо спросил: – К чему эти вопросы, девушка?

– Ответьте еще на пару, и я вам все расскажу, – отозвалась Лариса.

– Хорошо, но...

– Когда вы приехали с рыбалки, в квартире находилась одна Графиня?

– Да... – Он запнулся. – Вернее, она точно находилась, я видел свет в ее комнате, но был ли кто еще, сказать не могу – я сразу прошел в свою халупу и уснул, не снимая одежды... – Котя поморщился. – Был ужасно пьян!

– А на кухню вы не заходили? – уточнила Лара. Ведь, со слов бабы Шуры, Графиня разговаривала с кем-то именно там.

– Нет. Я бы просто не дошел...

Лара слушала старика, не отрывая взгляда от его лица. Она не считала себя отличным физиономистом, но определять, врет человек или говорит правду, за годы работы на телевидении научилась. Так вот Котя, судя по всему, не врал. Но при этом так явно нервничал, что Лариса просто терялась в догадках относительно причины такого состояния Семакина. Чтобы не довести еще одного старика до инсульта, она решила прекратить расспросы и удалиться. Но Семакин не дал ей уйти. Едва Лара стала подниматься со стула, как он схватил ее за руку и горячо прошептал:

– Вы обещали рассказать! – И, усадив Ларису обратно, едва слышно выдохнул: – В тот вечер что-то произошло, да?

– Откуда вы?..

– Я чувствовал что-то неладное... – Он облизнул губы. – Или нет, не так... Я что-то видел, когда выходил пьяный в уборную... А потом заснул... – Семакин побледнел так, что вздувшиеся на его лбу вены стали казаться черными. – Я видел людей... Двух людей. Они ругались... А потом один упал, и вокруг его головы растеклась лужа... – Семакин зажмурился – очевидно, восстанавливал в памяти ту картину. – Это было очень натурально. И происходило будто со мной. Ну, знаете, как бывает во сне? Видишь себя со стороны. Вот и у меня такое ощущение было... И главное – кровь была не только на полу, но и на моих руках. Помню, я смотрю на них, а они красные... – Он тряхнул головой. – Утром проснулся, первым делом на руки глянул, но все было в по-

рядке. Чистые! То есть мне все приснилось. Но состояние потом было такое тревожное, что я выскочил быстрее из дома и на реку...

– А где именно произошла эта сцена? В чьей комнате? Случайно, не в той, где проживали Кузнецовы?

– В моем воображении она произошла! – визгливо выкрикнул Семакин. – Ясно вам, девушка? В моем пьяном воображении! Я так ненавидел Малыша, так давно желал его смерти, что мне снилось ночами, как он умирает...

– То есть в вашем сне был убит именно Малыш?

– Да, да, да! – теперь уже он взревел и вдруг так истоиво затряс головой, что подбородок его стал просто-таки биться в грудную клетку.

Лара испуганно вскочила со стула и бросилась к двери. Выбежав в коридор, она схватила за руку проходящего мимо медбрата и втащила в палату с криком:

– Пациенту плохо!

Семакину на самом деле было плохо. Голова его все так же ходила ходуном, а кроме этого судорогой свело руки и ноги. Он корчился на полу, стучаясь затылком о плинтус, и все повторял «Да, да, да!».

Медбрат бросился к больному и вколол ему какое-то лекарство. Семакин почти тут же затих. Тело обмякло. Но глаза его не закрылись. Они смотрели на Лару, и в глубине их застыл испуг.

– Что вы с ним сделали? – грубо спросил медбрат, пере-

ложив Котю с пола на кровать. – Пациент был стабилен, а тут такой приступ...

– Ничего, – пролепетала Лариса. – Мы просто говорили...

Мужчина, неприязненно зыркнув на нее, коротко сказал:

– Уходите!

– С ним все будет в порядке? – спросила Лара, пятясь к двери.

Медбрат словно не слышал. Отвернувшись от нее, он стал укрывать притихшего Семакина одеялом. Ларе ничего не оставалось, как покинуть палату.

Выйдя за дверь, она торопливо зашагала к лестнице. Сердце ее стучало. А на душе было очень и очень мерзко. «Да что я такое творю? – ругала себя Лара. – Одну старуху до инсульта довела, другого старика до припадка! И ради чего?»

Едва сдерживая слезы, Лара толкнула входную дверь и выбежала на улицу. На свежем воздухе ей стало немного лучше. Слезы перестали душить, и на сердце было не так тревожно. Переведя дух и сев на лавочку, Лара уже вполне спокойно подумала: «Может, плюнуть на затею с фильмом? Вызвать милицию, пусть они разбираются во всей этой истории... – Но тут же сама себе возразила: – Нет, не будут они ни в чем разбираться, срок давности уже истек, значит, скелет так и останется неопознанным. А коли так, близкие Егора-Малыша не узнают, как он погиб и где его могила...»

Последняя мысль окончательно примирила Лару с самой

собой. Она приняла решение продолжать расследование. По крайней мере узнать фамилию Малыша и найти его родственников она обязана, чтоб Егора похоронили по-человечески. Хотя, если уж начистоту, довести дело до конца хотелось не только ради этого. Лара нутром чувствовала, что та давняя история гораздо трагичнее, запутаннее, масштабнее, чем ей вначале казалось. И за раскрошившейся кирпичной кладкой скрывается не только скелет, но и множество тайн. Человеческих и, быть может, исторических. Размотать этот клубок посчитал бы за счастье любой журналист! И Лара не была исключением...

«Всему свое время, – одернула себя она. – Сначала надо опознать останки, потом все остальное... Ну а сейчас к Графине!»

И она, поднявшись с лавки, заспешила к стоянке такси, чтобы через полчаса оказаться в больнице, где в отдельной палате, подключенная к аппарату искусственного дыхания, лежала старуха Берг. Лара подошла к кровати с поднятым изголовьем (врач сказал – при кровоизлиянии положение головы должно быть возвышенным) и заглянула в бескровное лицо Графины. Теперь, когда жизнь почти покинула ее, оно изменилось в лучшую сторону. Носогубные складки разгладились, глубокие морщины на переносице будто стали меньше, рот обмяк, перестав напоминать глубокий шрам. Эллина Берг больше не походила на ведьму. С лица исчезли и печать страдания, и гримаса озлобленности. Как будто вместе с со-

знанием ее покинули все горести и беды.

«Интересно, – подумала Лара отрешенно, – где Графиня (а скорее, ее душа) находится сейчас? Наверное, медленно плывет по светлому коридору к бесконечности...»

Тут Лариса Белозерова не угадала. Графиня стремилась не вперед, а назад – в прошлое, еще и еще раз переживая все события детства, юности, молодости и смиряясь с ними перед тем, как раствориться в бесконечности...

Часть 2

Элина Берг. Санкт-Петербург — Москва. 1915-1935 гг.

Глава 1

Отец Элины Берг не имел графского титула. Александром Бергом он тоже был не от рождения. Мойша Беркович – вот как звали отца Элины. Выходец из одесского гетто, сын старьевщика, еврей-выкрест, в жилах которого текла отнюдь не голубая кровь, разбогател уже в зрелом возрасте. А до этого был обычным мелким служащим, получающим скудное жалованье. Но благодаря своей бережливости он выкраивал деньги на покупку акций железнодорожных и судоходных компаний, свято веря в то, что когда-нибудь они сделают его богатым. Каждый месяц из года в год он покупал по одной, по две акции и складывал их в шкатулку, чтобы в день своего сорокалетия (почему именно сорокалетия, он сам точно не знал, просто так решил когда-то) их продать. А на вырученные деньги открыть свою лавку...

Но все произошло несколько иначе.

Когда Мойше исполнилось тридцать девять, грянул биржевой кризис. Десятки компаний разорились, многие ед-

ва удержались на плаву. Естественно, их акции либо просто превратились в ненужные бумажки, либо обесценились. Вот эти, обесцененные, Мойша и купил, продав часть своих, подскочивших в цене чуть ли не вдесятеро. А через год, когда рынок стабилизировался, он оказался совладельцем нескольких весьма прибыльных фирм и одного прииска. Теперь, продай он акции, можно было открыть сразу две лавки. Но Мойша решил обождать. И не зря! Еще через два года он полностью выкупил прииск, а надобность в открытии каких-то там лавчонок отпала сама собой. Мойша стал богачом.

Два года он просто наслаждался своим новым положением. Но когда ему исполнилось сорок пять, всерьез задумался о семье, а главное – о наследниках. Очень хотелось иметь детей. Мальчика и девочку. Марка и Эсфирь. Оставалось найти достойную женщину, годящуюся на роль жены и матери, и вести ее под венец.

Но оказалось, что достойную найти не так просто. Мойше нужна была невинная еврейская девушка из хорошей семьи, с покладистым нравом, приятной внешностью и отменным здоровьем. Вроде бы ничего особенного в этих требованиях не было, но как-то так получалось, что барышни, с которыми его знакомили, всем условиям одновременно не отвечали. Если красивая, то легкомысленная, если здоровая, то похожа на лошадь, если родители при деньгах, то капризуля и ломака... Ну и так далее!

Промучившись с полгода, Мойша все-таки женился. Взял в супруги почти идеальную барышню: и скромную, и невинную, и симпатичную, и здоровую, только уж очень хрупкую. Софочка Ганц была такой худенькой, такой прозрачной (это ширококостному, по-бабьи задастому Мойше в ней особенно нравилось), что рождение ребенка стало для нее истинным подвигом. Чудом произведя на свет девочку, Софочка умерла от кровотечения после множественных разрывов наиважнейших женских органов.

Так Мойша, не успев насладиться радостями семейной жизни, стал вдовцом. А еще отцом-одиночкой.

Дочка Эсфирь поначалу вызывала у Мойши одно раздражение. Она много плакала, много болела, много капризничала. Особенно невыносимой она была с отцом (с нянькой и кормилицей вела себя более-менее), видимо чувствуя его к себе отношение. А Мойша все никак не мог забыть, что именно этот горластый, вечно обделанный ребенок стал причиной смерти его Софочки.

Все изменилось, когда девочке исполнилось полгодика.

До этого Мойша долго отсутствовал. Сначала ездил на свои уральские прииски, потом отдыхал в Ялте. Не видел он ее три с половиной месяца, но не соскучился. Да и подзабыл малышку. В его памяти она оставалась худой, лысой, краснокожей, с огромным, исторгающим из себя противный пискртом. Такой же, только немного увеличившейся в размере, он думал ее застать, но...

Когда он вошел в дом, не поверил своими глазами. Вместо орущего монстра перед ним предстал ангелок с алебастровой кожей, волнистым пушком на лбу, огромными карими глазами и улыбающимся розовым ртом.

– Кто это? – только и смог вымолвить Мойша.

– Это Фирочка, – кудахтнула нянька по имени Марья, умильно глядя на воспитанницу. – Ваша девочка...

– Я ее не узнал, она так изменилась!

– Ну а что вы хотите? Это ж дети, они быстро растут и быстро меняются...

– Но она вечно хныкала, а теперь улыбается, – растерянно молвил Мойша и тоже улыбнулся и, увидев, как в розовых деснах его дочки поблескивают крошечные зубки, умилился настолько, что не сдержался – поцеловал Эсфирь в чистый лобик.

– Раньше она хныкала, потому что у нее грыжа была. А теперь мы ее заговорили, и девочка, как стала здоровенькой, совсем перестала плакать... – Нянька взяла Фирочку на руки и передала отцу со словами: – Чудо, а не ребенок!

И Мойша, прижав к груди нежную, теплую, уютно пахнущую топленным молоком и яблочным пюре девочку, согласно кивнул. Его ребенок – чудо! И просто не верилось, что раньше он этого не понимал.

Но как только к нему пришло понимание этого, Мойша впервые испугался за дочкино будущее. Он вдруг подумал о том, что ему вряд ли удастся обеспечить свою девочку всем,

что необходимо для счастья. Да, у него куча денег, и у Фирочки будут самые лучшие платья, лошадки и болонки, педагоги для занятий танцами, языками и обучения манерам, а когда она достигнет брачного возраста – огромное приданое. Беркович даст дочке все, что возможно купить за деньги, но не сможет дать Фирочке главного – другой национальности. Мудрый Мойша прекрасно понимал, что для многих его девочка так и останется «жидовским отродьем». Не красавицей, умницей, богатой наследницей, а «еврейской выскочкой». Или отродьем еврейской выскочки, ведь Мойшу до сих пор так многие называли – чаще за глаза, но иногда и в глаза!

Беркович так из-за этого мучился, так страдал, что сон потерял. И вот в одну из бессонных ночей к нему пришло решение. Сменить имена, фамилию, придумать легенду, переехать из Петербурга в Москву, где их никто не знает, и начать новую жизнь не как Берковичи, а как... Берги, например! Александр и Элина Берг!

Глава 2

В Москву отец и дочь Берг переехали, когда Фирочке исполнился год. Мойша-Александр купил роскошные хоромы в центре столицы (четырёхкомнатную квартиру с каминной залой) для жилья и снял целый этаж административного здания под свою новую контору. Несмотря на довольно преклонный возраст, Мойша не собирался отходить от дел. Во-первых, сидеть дома ему было просто скучно, а во-вторых, у Александра Берга была цель – влиться в ряды деловой элиты Москвы, чтобы его Фирочка, когда ей пора будет выходить в свет, имела возможность блистать в высшем обществе: ходить на губернаторские балы, выезжать за город в компании золотой молодежи, посещать суаре в аристократических домах. Его Фирочка достойна самой беззаботной жизни и самого завидного жениха! Не только богатого, но и титулованного. Мойше очень хотелось, чтоб его дочь вышла замуж за какого-нибудь графа. Можно, конечно, и за князя. Или барона. Но за графа все-таки лучше, ибо этот титул Мойше почему-то казался самым благозвучным и для Фирочки наиболее подходящим.

Миновало еще полгода. Финансовые дела Александра Берга прекрасно ладились, но пробиться в высший свет ему не удавалось. Смена имени, фамилии и национальности (Мойша уверял всех, что он немец) не помогла. Никто не

воспринимал его так, как ему бы хотелось. Для всех он так и оставался евреем-выкрестом, жидом-выскачкой с тугим кошельком, которого в знатных домах если и принимали, то редко, к тому же без всякого почтения.

Беркович очень из-за этого страдал. Поэтому с таким восторгом встретил революцию. Как же, как же, монархия пала, мир титулованных особ поколеблен, аристократы уже не в почете, а коли так, у его Фирочки будут те же права, что и у княжеских и графских дочек. Да только ошибся Мойша в своих прогнозах! В скором времени прав лишились не только князья да графья, а все более-менее обеспеченные люди. Но не это самое страшное. Главное, весь привычный мир рухнул. Все изменилось, даже Москва! Была радостной и праздничной, стала опасной и суровой. Особенно пугающе она выглядела вечерами: когда на улицах не горели фонари, а по тротуарам, гулко топоча сапогами, носились суровые солдаты с оружием. Из дома было страшно выйти. Но и дома никому не было покоя. Пьяные революционеры врывались в богатые дома и устраивали погромы. Ладно бы грабили, так нет – крушили антикварную мебель, били фарфор, вспарывали картины...

Остаться в Москве стало опасно. Но и в других городах (и даже селах) бывшей царской России обстановка была не лучше, поэтому Мойша по примеру многих решил ехать за границу. Там спокойно, мирно, вольготно, там у него есть деньги – не очень много, но хватит, чтобы переждать смуту.

В то, что Российская империя перестала существовать навсегда, он не верил.

Собрав уцелевшие ценности, Александр и Эллина Берг (на руках у няньки Марьи) отправились в Брест, чтобы пересечь границу с Польшей, а потом двинуться дальше и осесть во Франции.

Добирались до Бреста в ужасных условиях: в переполненных вагонах, без элементарных удобств, терпя хамство солдатни, подолгу простаивая на полустанках. Эллочка всю дорогу плакала, Марья причитала (она только сопровождала Бергов до границы, потом же собиралась вернуться в Москву, но ей очень не хотелось расставаться с воспитанницей), а Александр как заведенный повторял: «Ничего, еще немного осталось. Вот доедем до границы, пересечем ее – и все, конец нашим мучениям...» Но дорожные тяготы оказались цветочками, ягодки начались по приезду, когда выяснилось, что желающих покинуть страну так много, что не выпускают никого. Пришлось ждать двое суток. На третьи, когда люди уже изнемогали от усталости и нервного напряжения, границу открыли.

Когда толпа пришла в движение, Беркович почувствовал, как его ноги отрываются от земли. Испуганно вскрикнув, он попытался нащупать подошвами твердую почву, но у него ничего не вышло. Толпа ринулась вперед, увлекая Мойшу за собой. Марья с Эллиной были тоже подхвачены людьми, но нянька, хоть и держала в одной руке девочку, а в другой

свою котомку, затолкать себя не дала. Поднатужилась и ринулась вперед. В итоге она смогла пробиться к шлагбауму, тогда как Мойшу почти выдавили из толпы, а протиснуться на прежнее место не давали люди, напирающие сзади.

Берг работал локтями с таким остервенением, что заехал какому-то мужчине по саквояжу. Тот упал и раскрылся, из него посыпались серебряные ложки, вилки и ножи. Пострадавший гневно закричал и наклонился, чтобы подобрать свое добро. При этом он так резко согнулся, что ударил стоявшего позади Александра под дых. Берг потерял равновесие и рухнул под ноги толпы.

Марья, увидев это, развернулась и принялась расталкивать ополоумевших людей, стремясь протиснуться к отцу своей воспитанницы. А так как двигалась она не вперед, к заветному шлагбауму, а назад, то ее пропускали. Наконец она пробралась к тому месту, где упал Александр. Толпа там уже поредела, и Марья увидела лежащего на земле Берга. Тот пытался подняться, но у него не получалось. Нянька собралась помочь ему, но тут голова Александра, оторвавшись от земли на пару секунд, безвольно опустилась, глаза его закатились, а по телу пробежала судорога.

– Преставился, – услышала Марья за своей спиной. – Второй старикан за сегодня... У того тоже сердце не выдержало!

Нянька обернулась на голос и увидела позади себя пожилого солдата. Он смолил самокрутку и равнодушно поглядывал на Берга. Рядом с ним стоял совсем юный солдатик.

Именно с ним разговаривал старик, ему же он адресовал следующую фразу:

– А вещички-то у него умыкнули! Как упал, так кто-то из толпы и саквояж, и чемодан тиснул...

Марья слышала его слова и внутренне содрогалась. Причем, сначала переживала из-за мелочей: «Саквояж! Саквояж-то как жаль! Там же все: документы, билеты, деньги, ценности! – мысленно причитала она. – А чемодан! В нем Элочкины пеленки и платица! Ребенка теперь и переодеть не в чего... – Но тут до нее дошло главное, что отец Эллины умер, и Марья ужаснулась: – Что же с малышкой теперь станет? Ведь у нее, кроме отца, никого на белом свете нет... Почему никого? – самой себе возразила нянька. – А я? Не я ль Эллочку воспитывала с первых дней ее жизни? Не я ль ночей не спала, когда она болела? Не я ль люблю ее, как родное дитя? Да я ей больше чем мать! А коли так – воспитаю!»

– Слышь, бабонька, – обратился к ней пожилой солдат. – Ты покойнику кем приходишься?

– А тебе что за дело до этого? – насупилась Марья.

– Мне-то никакого, а вот тебе, если ты родственница, его хоронить придется...

– А если не родственница?

– Тогда ступай себе, а его, – он указал небритым подбородком на Берга, – в безымянной могиле зароят.

Марья сурово кивнула головой и направилась в таможенное управление, чтоб узнать там, с кем она должна догово-

риться насчет похорон.

Глава 3

В Москву Марья и Эллина вернулись спустя десять дней. После похорон Алекса Берга двое суток они жили на вокзале, ждали поезда, на котором можно уехать. Но так как те ходили крайне редко, а желающих покинуть город было огромное количество, то занять места удавалось только самым наглым или сильным. Марья, будь она одна, забралась бы в вагон без особых проблем, но у нее на руках была воспитанница, поэтому ей пришлось пропустить три поезда. Но уж в четвертый она забралась одной из первых и заняла самое удобное место.

...Когда Марья отперла дверь своим ключом и внесла Эллину в квартиру, где прожила вместе с Бергами больше полугода, то так и ахнула. В ней уже кто-то обитал! Новых жильцов в тот момент в квартире не было, но следы их пребывания присутствовали: в шкафу висели чужие вещи, на кровати лежало лоскутное одеяло (у Бергов отродясь такого не водилось), в ванной сушились подштанники, а на кухонном столе громоздились немытые алюминиевые миски. Марья хотела было спуститься в дворницкую, чтобы обо всем разузнать у дворника Федюньки, с которым у нее были шуры-муры, но пора было укладывать Эллину. Да и самой Марье не мешало отдохнуть. Дорога ее вымотала до предела!

Марья, качая плачущую девочку, прошла в ту комнату,

которая была когда-то детской, но там не оказалось ни одного предмета мебели, только в углу лежал скрученный в рулон ковер. Пришлось укладывать малышку в каминной зале на диване. Сама Марья за неимением еще одного спального места улеглась на полу. Свернувшись калачиком, положила под голову свою котомку и моментально уснула.

В объятиях Морфея женщина пробыла недолго. Из них ее вырвал грозный мужской возглас: «Ты кто такая? И как сюда попала?»

Марья с трудом разлепила тяжелые веки и увидела перед собой высокого молодого мужчину в кожанке, подпоясанной широким армейским ремнем с кобурой. У него было породистое лицо с холодными голубыми глазами и жестким ртом.

– Марья я, – испуганно ответила женщина. – Нянька Эллиночки... – И указала на спящую девочку.

Мужчина посмотрел на Эллину, сурово нахмутив брови, и сухо спросил:

– Это дочь бывшего хозяина квартиры?

Марья кивнула.

– Сам он где?

– Умер.

– Другие родственники у ребенка есть?

– Нет у нее никого, кроме меня!

Новый обитатель квартиры Бергов задумчиво помолчал, затем сказал приказным тоном:

– Оставайтесь здесь. Комната в вашем с девочкой распо-

ряжении. Кухней и ванной можете пользоваться. В остальные помещения не заходить. Ясно?

Хотела Марья ответить утвердительно и на этом закончить диалог, но спохватилась:

– А как же мебель?

– Что – мебель?

– Вся она бывшего хозяина Александра Берга, а коли так – Эллиночкина, и мы должны ее сюда перенести. В нашу комнату.

– Мебель, как и квартира, теперь собственность государства, – отчеканил он. – Но ты можешь взять самое необходимое, типа кровати и стола. Остальное – не тронь.

И, развернувшись на каблуках, покинул залу.

Естественно, Марья не послушалась. Она перетащила в их с Эллиной комнату не только кровать и стол, но и трюмо, и этажерку, и комод, а кроме этого занавески с окна и скрученный ковер. В этом ей помогал Федюнька. Главное же, сундук, который Марья оставляла ему перед отъездом на сохранение, дворник не пропил и не присвоил, а по-честному вернул хозяйке. Возможно, потому, что тот был заперт на больший замок, и дворник не знал, что внутри масса ценных вещей. Вещи эти: столовое серебро, фарфоровые статуэтки, бронзовые шкатулочки, гравюрки в золоченых рамках Марья украла из хозяйского дома в тот момент, когда Алекс в спешке собирался покидать Россию и за своим имуществом не следил. Вместе с Бергами за границу она уезжать не соби-

ралась, а жить после их отъезда на что-то нужно было. Вот нянька и решила кое-что из антикварных безделушек стянуть. У Александра не убудет – все равно за гроши все распродавал, – а ей польза!

Теперь же оказалось, что польза не только ей, но и Эллиночке. Будет на что ребенка растить. Вот поспокойнее в стране станет, антиквариат вновь в цене поднимется, и Марья начнет потихоньку безделушки распродавать...

А из занавесок Эллиночке платьев нашьет, чтоб девочка выглядела как настоящая принцесса.

Глава 4

Шло время. Марья воспитывала Эллину как родную дочь, но не скрывала от нее правды. «Какая я тебе мама? – смеялась она, когда девочка, научившись говорить первое «ма-а», обращалась к Марье. – Я тебе няня... Повторяй, детка, няня!» Детка повторяла. Когда же стала хоть что-то понимать, нянька объяснила ей, что ее папа и мама умерли, и показала ей единственную сохранившуюся фотографию Александра Берга. А еще она рассказала Эллине, что когда-то вся квартира принадлежала ее семье, и тот дядя, что живет с ними под одной крышей, ей не родственник, а всего лишь сосед.

Кстати, о соседе. Звали его Андреем Альбертовичем Ярским, и он работал в ВЧК. Марья его как человека терпеть не могла и немного побаивалась. Но о другом соседе не мечтала, поскольку Ярский в этом смысле ее устраивал, как никто, – он практически все время проводил на работе. Еще Андрей Альбертович помог Марье оформить над Эллиной опеку и утрясти дела с домкомом. Жаль, не стал мешать тому, чтоб к ним новых жильцов подселили, и в тот год, когда Эллине исполнилось пять, их «уплотнили». То есть в квартиру вселили еще пятерых жильцов. Коллегу Ярского Васнецова с женой и двумя сыновьями и одинокого профессора медицины по фамилии Гуляев.

Марию это не порадовало, а вот Эллину очень: она сра-

зу нашла общий язык с братьями Васнецовыми, и в скором времени они оба стали ее верными поклонниками. Они постоянно из-за нее ссорились, дважды дрались, но стоило какому-нибудь мальчику подойти к их королеве с заигрываниями, как братья мирились и вдвоем давали отпор «врагу». Эллину это забавляло, поэтому она частенько появлялась во дворе с новым «ухажером», чтобы потом с веселым азартом понаблюдать за ходом драки. Иногда она дарила победителю воздушный поцелуй. Но не часто, чтоб не расслаблялись!

О да, уже в столь малом возрасте девочка умела кружить головы «мужчинам». Эллина была не только хороша собой, обаятельна, умна, весела, главное (для будущей женщины это, бесспорно, главное), она безошибочно определяла, как в данный момент нужно себя с представителями сильного пола вести. Когда поплакать, когда погрустить, когда покочетничать. Да-да, уже в пять она умела кочетничать! А Марья все удивлялась, откуда в Эле эта женская премудрость взялась. Сама она ею не обладала, так что обучить девочку не могла. Да и мать Эллины, покойная Софочка, была ее начисто лишена. И на внешность была скорее мила, чем красива, не то что Эллина. Не ребенок – картинка! Глазищи огромные, губки бантом, щечки пухлые, с ямочками, а темные волосики вьются не беспорядочными кудряшками, как у матери, а красивыми локонами.

Чем старше становилась Эллина, тем больше ей хотелось знать о родителях. Она постоянно расспрашивала о них Ма-

рю, и та рассказывала ей всевозможные истории из жизни Бергов (о том, что ее отец не Александр, а Мойша, Эллина узнала много позже, когда нянька, умирая, бредила). Причем истории эти были почти все вымышленные. Врала Марья без злого умысла, скорее для пользы. Она считала, что ребенку незачем знать о том, что ее папенька с маменькой – жида, пусть думает, что немцы. К тому же нянька помнила о том, как Беркович мечтал дать девочке другую национальность, так пусть его мечта сбудется хотя бы после смерти.

...Росла Эллина быстро, а развиваться начала очень рано. В десять лет у нее уже шли месячные, в одиннадцать сформировалась вполне женская фигура. Эллина превратилась в красивую девушку, выглядела на все пятнадцать, и от поклонников у нее теперь не было отбоя. И этих братья Васнецовы уже не могли поколотить, ведь они были так юны, а за Эллиной теперь ухлестывали взрослые, пятнадцати-шестнадцатилетние парни. Марию это немного пугало, но, видя, как умело ими крутит ее воспитанница, кокетничая напропалую, но не позволяя себе ни единой вольности, она успокоилась.

Все то время, что Эллина росла и развивалась, Марья увядала. Когда она стала нянчить хозяйскую дочку, ей было тридцать восемь лет, теперь же почти пятьдесят. Женщиной она была крепкой, энергичной, но выглядела старше своего возраста – сейчас к ней обращались не «бабонька», а «бабушка». А все потому, что Марья на себя давно махнула ру-

кой и всю себя отдавала Эллине. Она работала на заводе, вечерами убиралась в какой-то конторе, по выходным торговала на рынке, а ночами шила для своей девочки наряды и мастерила украшения. Ее Эллиночка должна была выглядеть и питаться лучше всех и учиться не только в средней школе, но и с педагогами музыкой и танцами заниматься. Чай не какая-нибудь крестьянка, а дочка немецкой баронессы (Марья убедилась в этом не только Эллину, но и себя).

Хроническая усталость и недосыпание няньку и сгубили. Задремала как-то на работе да упала под колеса погрузчика. Насмерть тот ее не раздавил, но покалечил сильно. Марью в больницу отвезли, и она там пролежала около недели без всякой надежды на выздоровление. После ее выписали и отправили домой умирать.

Спустя три дня Марья скончалась.

Глава 5

С похоронами помог все тот же Ярский. Да и остальные соседи не остались в стороне: оказали посильное содействие. Всем было жаль Эллину, ведь теперь девочке придется отправляться в сиротский приют или трудовую коммуну. Та и сама это понимала, поэтому все дни плакала, не зная, как этого избежать. Но все разрешилось само собой...

Как-то ночью к Эллине заглянул Ярский. Он открыл дверь в комнату, где она спала, разбудил ее (но девушка не подавала вида, что проснулась) и долго смотрел на малышку Берг. И не равнодушно, как раньше, а жадно. Ярский шарил взглядом по полуобнаженному телу Эллины, а у нее все внутри дрожало. Чутье подсказывало ей, что взгляд этот отражает сумасшедшее желание самца, и она ужасно боялась, что Ярский решит воспользоваться ее невинностью, ее беспомощностью...

Но Андрей Альбертович не притронулся к ней. Постоял минут десять и ушел. А утром позвал девушку к себе в комнату и сообщил, что решил оформить над ней опеку. Конечно, если Элина желает, то может отправляться в приют, а если нет, он готов оказать ей услугу. Все ж не совсем чужая – столько лет бок о бок прожили. «Так что ты выберешь? – спросил он напоследок. – Приют или опеку?»

Элина выбрала последнее. Она хотела жить тут, а не в

приюте. Даже если за право остаться в родной квартире ей надо будет расплачиваться своим телом (ведь ясно же, что Ярскому от нее нужно именно это). В конце концов, Андрей Альбертович не стар, не безобразен, он приятен, ухожен, чистоплотен. Лечь с ним в постель будет не противно, только немного страшно...

Так думала Эллина в то утро. А через несколько недель оказалось, что она ошиблась. Было и противно, и страшно! Страшно, даже несмотря на то, что Эллина, попривыкнув к Ярскому, перестала перед ним робеть. К тому же от нее не укрылось, какое магическое воздействие оказывает на чекиста ее красота, ее свежесть, и она радовалась про себя: он такой же, как все, значит, с ним будет так же легко. Наивная, она привыкла иметь дело с подростками, а не со зрелыми мужчинами, вот и переоценила себя и свои чары. Глупенькая, она совсем ничего не понимала в вопросах интимной жизни, считая, что все сводится к объятиям. Неопытная, она считала, что, разок допустив Ярского к телу, она обеспечит себе спокойную жизнь.

Прозрение наступило в ту ночь, когда Ярский лишил ее невинности. Грубый, агрессивный, нетерпеливый, он чуть не разорвал Эллину. Ненасытный, он набрасывался на нее еще и еще. Эгоистичный, он не спрашивал, хочет ли его Эллина, и совсем не думал о ее удовольствии. Непреклонный, он брал ее даже тогда, когда она молила его дать ей хоть час отдыха...

И так всю ночь!

Из ночи в ночь, из года в год...

Страшно и противно.

А еще больно! Особенно в первый раз. Эллина едва сознание не потеряла, когда Ярский взял ее. Утром даже встать не могла, так у нее все болело. Иначе бы она убежала от этого страшного мужчины! Уж лучше в голоде, холоде, под забором, чем в тепле, сытости, но под одним кровом с чудовищем...

Так думала Эллина, проснувшись после ночи «любви», и продолжала думать еще несколько дней – страшных дней, когда ее нутро разрывалось от адской боли в то время, пока чудовище удовлетворяло свою похоть. А потом она притерпелась. Эллина научилась абстрагироваться от мерзости происходящего и стойко переносить физические муки. Но отвращение к сексу у нее осталось на всю жизнь. Ни с одним из многочисленных любовников она не только не получала удовольствия (включая любимого Малыша), но даже не испытывала ни к одному из них плотского влечения (к Малышу испытывала, но как только дело доходило до секса, она словно льдом покрывалась). Ярский сделал ее фригидной. Но в то же время помог осознать главное: секс – это то оружие, которым настоящая женщина может победить мужчину. Уяснив это в возрасте двенадцати лет, Эллина всю оставшуюся жизнь добивалась своих целей через постель. Противно, конечно, но терпимо, а главное – действительно!

Глава 6

Прошло два года с тех пор, как Ярский стал опекуном Эллины. За это время Васнецовы успели переехать, а их комнату занял другой коллега Андрея Альбертовича, некто Клюев, который вскоре женился и привел в дом молодую супругу. Еще каминная зала лишилась своего главного атрибута – камина, его разобрали и увезли куда-то – наверное, на дачу какого-нибудь большого человека. В остальном же все было по-старому. А вот сама Эллина очень изменилась. За это время она превратилась в настоящую женщину. И еще больше похорошела. Исчезла подростковая угловатость, во взгляде Элочки, кроме озорства, появилась томность зрелой дамы. Бутон ее женственности к пятнадцати годам полностью раскрылся. А раскрывшись, очаровал всех мужчин, включая обитавших с ней под одной крышей холостого доктора и женатого чекиста. От Ярского это не укрылось, и он стал бешено ревновать свою «дочь».

Ревность эта проявлялась страшным образом. Если Клюевы, ссорясь, кричали, обзывались, иной раз швыряли что-нибудь друг в друга, то Ярский устраивал Эллине совсем другие сцены: иногда душил ее, иногда выкручивал руки, иногда хлестал по щекам, но все это в полнейшей тишине. Молчал сам и Эллине пикнуть не позволял! Стоило ей приоткрыть рот, как он зажимал его своей большой ладонью так сильно,

что девушке нечем было дышать, и принимался бить ее еще сильнее и яростнее. После экзекуции он, как правило, насиловал Эллину. А потом запирали в комнате на целый день, оставляя таз для того, чтобы было куда справить нужду.

Вот тогда Эллина его по-настоящему возненавидела! Чувство неприязни, испытываемое ею к Ярскому, переросло в такую мощную ненависть, что девушка стала мечтать об одном – чтоб он умер. «Хоть бы он сдох, – денно и ночью думала она, памятуя о том, что мысли могут материализоваться. – И я спляшу на его могиле...»

Но Ярский и не думал умирать. Он был здоровым мужчиной в полном расцвете сил, в ГПУ (оно пришло на смену ВЧК) уже несколько лет занимался кабинетной работой, поэтому не сталкивался с преступниками лицом к лицу, так что надеяться на то, что его убьют в какой-нибудь перестрелке, не приходилось.

Но однажды ночью во время очередного полового акта из лона Эллины хлынула кровь. Перепуганный Ярский вынужден был обратиться за помощью к соседу-медику. Гуляев, оказав пациентке первую помощь, долго смотрел на чекиста. В его взгляде читались осуждение и гадливость, но он справился с собой и ничем не выказал своего отношения к Ярскому, только сообщил:

– У девочки внематочная беременность. Ее нужно везти в больницу и оперировать... – И, сокрушенно качнув головой, добавил: – Не знаю, сможет ли она после этого родить!

Эллину отвезли в больницу, оперировали, но выписали не скоро. Девушка очень плохо себя чувствовала, постоянно жаловалась на боли. Врачи недоумевали, откуда они берутся, ведь все уже зажило (молодой организм быстро справился с болезнью), не догадываясь о том, что Элина просто-напросто симулирует. Ей так нравилось в больнице, где все с ней были ласковы, заботились о ней, а главное – не домогались, что хотелось здесь остаться навсегда. Но сказка кончилась через месяц. Эллину все же выписали.

Когда Ярский приехал забрать «дочь», медики настоятельно рекомендовали ему отправить девушку на воды. Тот, вняв совету врачей, купил ей путевку в Кисловодск. Элина была на седьмом небе от счастья, ведь сам он отправиться с ней не мог – работа.

Первая неделя пролетела как один день. Элина окрепла, воспряла духом и вновь обрела свое очарование. У нее тут же появилась толпа поклонников. Из них девушка выделила одного, самого молодого, романтического, прекрасного, и позволила ему за собой ухаживать. Юноша дарил Эллочке цветы, посвящал ей стихи и постоянно целовал ее некрасивые кисти. Элина почти влюбилась в него и решила отдаться – тогда она еще надеялась на то, что с другим партнером найдет в сексе прелесть. Но она ошиблась! Никакого удовольствия она не получила. Но зато ей не было ни больно, ни страшно и не противно... Никак! Все равно что перетерпеть не очень приятную процедуру, такую, например, как приня-

тие вонючей грязевой ванны.

Встречалась Эллина со своим кавалером на природе. Они уходили подальше от людей и предавались радостям секса под открытым небом. Перед отъездом влюбленные решили устроить прощальное свидание в горах, ведь это было так романтично – встретить рассвет на фоне вершин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.